

А.Н. Хохлов*

**Миссионерская деятельность Гурия Карпова
до и после преобразования Пекинской
духовной миссии в 60-е годы XIX в.**

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена жизни и трудам архимандрита Гурия (Карпова), миссионера и китаиста, возглавлявшего Пекинскую духовную миссию в 1856–1865 гг. — времена, когда многое менялось не только в Китае, но и в положении миссии. Автором цитируются ранее не публиковавшиеся архивные документы, подробно освещающие как многие события жизни учёного, так и его мнения о ситуации в Китае и путях дальнейшего существования миссии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Русская духовная миссия, Пекин, Гурий Карпов, православие, Китай.

В истории Пекинской духовной (православной) миссии, среди её главных деятелей архимандрит Гурий (Карпов) (1814–1882) занимает особое место, так как с его именем связаны серьёзные перемены в её статусе, структуре и деятельности в результате учреждения в Пекине Российской дипломатической миссии в 1861 г. Именно в то время, когда он являлся главой православной миссии (с 1856 г.), началось её частичное реформирование, обусловленное переходом духовной миссии из дипломатического ведомства в духовное, в Св. Синод.

До учреждения Российской дипломатической миссии в китайской столице в 1861 г. Пекинской духовной миссии в течение более 130 лет нередко приходилось выполнять различные посреднические дипломатические функции между цинским Китаем и Российской империей, особенно в случае приезда в китайскую столицу российских дипломатов и курьеров, а также в осуществлении официальной переписки

* Хохлов Александр Николаевич, к.и.н., с.н.с. Отдела Китая ИВ РАН (Москва, Россия).

между двумя соседними государствами, которая велась в соответствии с Кяхтинским договором 1728 г. между российским Сенатом (через Коллегию иностранных дел и позднее через МИД) и Лифаньюанем («Палатой по делам внешних связей»), выполнявшей функции внешнеполитического ведомства по отношению к странам и владениям, лежащим к северу от территории тогдашнего цинского Китая.

Позиция российского правительства в отношении Цинской империи обычно определялась его стремлением поддерживать с этим государством добрососедские отношения ради поддержания взаимовыгодной торговли, которая порой в одностороннем порядке прерывалась цинской стороной из-за пограничных споров и иных недоразумений. Такой подход российской дипломатии к цинскому Китаю в 30-х гг. XIX в. достаточно чётко сформулирован, например, в письме главы Азиатского департамента МИД К.К. Родофиникина на имя начальника Пекинской духовной миссии иеромонаха Вениамина (Морачевича) по поводу распространения христианства в Китае. В этом письме от 14 апреля 1844 г., в частности, указывалось:

«В отношении к китайцам Вы должны принять за особенное правило не делать ничего такого, что могло бы породить неудовольствие или подозрение со стороны их правительства.»

Подозрение сие всего легче может родиться от особенного стремления к распространению между китайскими подданными христианского учения. Конечно, весьма утешительно было бы, если б весь мир составлял, по словам нашего Спасителя, единое стадо... Но примите при сем в уважение, во-первых, что священнейшие правила нашего правительства состоят именно в том, чтоб отнюдь не вмешиваться ни в политические, ни в религиозные дела других государств» (Здесь и далее курсив мой. — А.Х.). При этом руководитель одного из важнейших подразделений внешнеполитического ведомства подчёркивал, что «главная и постоянная цель Российского Министерства в отношении к Китаю есть политическая и торговая». «Первая, — указывал он, — состоит в сохранении и укоренении дружественных с Китаем связей как с государством, с коим мы граничим на столь значительном расстоянии, [а] вторая — заключается в распространении и развитии торговых наших с Китаем сношений для пользы отечественной промышленности и взаимных выгод. Сии то цели должны руководствовать Вас во всех Ваших действиях и распоряжениях и чем более будете приближаться к оным, тем совершеннее выполните ожидания правительства»¹.

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. СПб. Главный архив I-5. 1823. Д. 1. Папка 9. Ч. I. Л. 149–151.

Столь же определённо позиция России в отношении цинского Китая сформулирована в письме министра иностранных дел К.В. Несельроде от 6 апреля 1840 г. на имя начальника Пекинской духовной миссии архимандрита Поликарпа (в миру Пётр Андреевич Тугаринов):

«Первым и постоянным Вашим старанием, — указывалось в этом документе, — будет поддерживать и укреплять, сколько сие от Вас может зависеть, существующие с Китаем мирные и дружественные связи, полезные для России, как в политическом, так и в торговом отношении»².

В контексте такой позиции российского правительства в отношении цинского Китая не раз формулировались цели и задачи Пекинской духовной миссии. В инструкции МИД, составленной в 1857 г. для её нового начальника архимандрита Гурия (Г.П. Карпова) по поводу научной деятельности миссии говорилось:

«Часть учебная есть одна из важнейших, на которую начальник миссии должен обращать постоянное и самое бдительное внимание... Цель правительства состоит в том, чтобы, во-первых, члены миссии возвратились из Китая с основательными познаниями в [восточных] языках, нужных как в служебном, так и в учёном отношении; во-вторых, чтобы каждый из них по той части, которую изберёт для своих исследований, был в состоянии представить верные и точные сведения, из коих одни могут быть полезны для правительства, другие для науки»³.

Инструкцией предусматривалось изучение членами миссии широкого круга научных дисциплин и проблем, касающихся истории, экономики и культуры цинского Китая. «В план учения, — говорилось в ней, — должны входить исторические, географические, физические и статистические исследования о Китае и подвластных ему народах; труды по части философии и исследования исповеданий, изучение образа правления и законодательства китайцев и извлечение по сей части всего любопытнейшего и особенно изъясняющего дух и систему их правительства, [а] также собирание сведений по части сельского хозяйства, заводов и фабрик китайцев, наблюдения и разыскания о их медицине, способах лечения»⁴.

Основным предметом для каждого прибывавшего в Пекин члена миссии, как духовного, так и светского, считался маньчжурский или китайский язык (иногда монгольский или тибетский). В инструкции, составленной для Пекинской духовной миссии в 1857 г. по образцу прежних руководств, по этому поводу указывалось:

² Там же. Папка 17. Л. 88.

³ Там же. Папка 94. Л. 27.

⁴ Там же. Л. 30.

«Первые годы пребывания в Пекине исключительно должны быть посвящены изучению языков как основанию дальнейших успехов и трудов миссии по учёной части...». «Китайскому языку, — подчёркивалось в инструкции, — должны учиться все члены за исключением разве художника, которому нужен один разговорный язык». «Изучение маньчжурского языка поставляется в непрременную обязанность трём из светских членов. Они должны знать [его] свободно и со всею возможною точностью на оный переводить, так как переписка с китайским правительством производится на маньчжурском языке». «Что же касается до... языков монгольского и тибетского, — указывалось далее, — то изучение оных будет зависеть от рода занятий, какие кто изберёт [для себя], однако же чтоб сим языкам некоторые из членов [миссии] посвятили часть своих трудов во время пребывания в Пекине»⁵.

Гурий Карпов (Григорий Платонович) — сын священника Саратовского кафедрального собора, начальное образование получил в Саратовской духовной семинарии, по окончании которой в июле 1836 г. был определён учителем латинского языка в духовное уездное училище в Саратове. В августе 1837 г. он поступил в Петербургскую Духовную Академию, где 12 июля 1838 г. принял монашеский сан с именем Гурий. В академической ведомости за май 1838 г. о студенте низшего отделения Гурии Карпове сказано, что он отличался «послушанием, усердием к занятиям и к церкви», «исправностью во всех отношениях»⁶.

По окончании академии в 1839 г. его в звании иеромонаха Российской духовной миссии отправили в Пекин, где он находился с 1840 по 1850 г. По возвращении в Россию в 1851 г. его возвели в сан архимандрита и назначили в сентябре того же года смотрителем Александро-Невского духовного уездного училища в Петербурге. В 1855 г., получив степень магистра богословия, он вновь был отправлен в Пекин, где с 1857 по 1864 г. являлся главой Российской духовной миссии. По возвращении в Россию архимандрит Гурий (Карпов) занимал высокие должностные посты в церковной иерархии⁷.

⁵ Там же. С. 27–28.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 277. Оп. 1. Д. 1879. Л. 12.

Подробнее о нём см.: *Хохлов А.Н.* В.П. Васильев в Нижнем Новгороде и Казани // История и культура Китая (сборник памяти акад. В.П. Васильева). М., 1974. С. 46–48, 51.

⁷ АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД, формулярные списки. Оп. 464. Д. 1056; РГИА. Ф. 796. Оп. 137. Д. 1763.

Уже вскоре после причисления иеромонаха Гурия к Пекинской духовной миссии в 1839 г. на него обратил особое внимание один из видных чиновников Азиатского департамента Н.И. Любимов, близко знавший А.С. Пушкина и помогавший ему в переписывании «Бориса Годунова». Познакомившись с этим серьёзным, исполнительным и деловым священнослужителем во время своей длительной поездки в Пекин и последующего пребывания в китайской столице в течение нескольких месяцев в 1840–1841 гг., он при обсуждении проблемы подбора нового руководителя для будущей миссии путём предварительного вызова в Петербург кого-либо из её наиболее достойных членов, находящихся в китайской столице до окончания 10-летнего срока (с целью поручения ему формирования нового состава миссионеров для отправки в Китай), упомянул в качестве возможного кандидата иеромонаха Гурия. В донесении от 27 августа 1842 г. Н.И. Любимов писал по этому поводу:

«Это имело бы двоякую пользу: во-первых, у Азиатского Департамента была бы возможность разглядеть [прибывшего в Петербург] человека и [надлежащим образом] приготовить его, дать ему надлежащее направление, [разъяснить] взгляд на вещи и дела, какой угоден Министерству, и что нельзя объяснить никакими бумагами, а во-вторых, находясь здесь, он [этот человек] мог бы, так сказать, освежиться [новыми] мыслями и ознакомиться с современностью, а также познакомиться здесь [поближе] со своими будущими сотрудниками, что всё [вместе взятое] имело бы большую пользу в отношении к успехам и благоустройству будущей новой миссии...

Из нынешних духовных членов миссии иеромонах Гурий есть тот [человек], который мог бы наиболее оправдать ожидания правительства в случае, если бы на него пал выбор.

А затем, если бы по каким-либо обстоятельствам Министерство его лишилось, то иеродиакон Палладий [П.И. Кафаров] мог бы с пользою заменить его, также соединяя в себе — при его уме и способностях — все прочие качества, нужные для начальника миссии. Что же касается до о. Иннокентия [Немирова], то... мне кажется, что он по своему характеру более способен для монашеской уединённой жизни»⁸.

В первое десятилетие (с 1840 по 1850 г.) пребывания в Пекине в составе православной миссии иеромонах Гурий активно занимался переводами на китайский язык христианской литературы, о чём неоднократно доносил в Петербург глава миссии архимандрит Поликарп

⁸ Российской государственной архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 642. Л. 21–22.

(Тугаринов). Так, 31 мая 1848 г. последний сообщал об отправке в Азиатский Департамент МИД из китайской столицы списка «Священной истории», составленной и переведённой иеромонахом Гурием, указывая при этом:

«Труд сей состоит из трёх частей: во-первых, ветхозаветной истории, во-вторых, новозаветной до разделения церквей и, наконец, в-третьих, краткого обзора истории церкви российской, куда присоединено известие о начале православия в Китае»⁹.

Переводы книг религиозного содержания, выполненные иеромонахом Гурием в указанный период его пребывания в составе Пекинской духовной миссии, перечислены в отчёте архимандрита Поликарпа от 7 ноября 1850 г., при этом упомянута написанная им статья «Обряд возложения обетов монашества у китайских буддистов», опубликованная в 1855 г. в «Трудах членов Российской духовной миссии в Пекине» (т. II)¹⁰.

Стать знатоком разговорного китайского языка помогли Гурию (Карпову) тесные контакты с албазинцами, о чём свидетельствует В.П. Васильев, посланный Казанским университетом в Пекин в 1840 г. для изучения тибетского языка в качестве светского члена Пекинской духовной миссии. Упомянув о своём пребывании в китайской столице, известный востоковед ссылаясь на такое свидетельство, связанное с албазинцами:

«С 1820 г. <...> наша казна отпускала значительные суммы на содержание [русской] церкви и школы. Кто был у обедни, тому стали предлагать и даровый хлеб. Того же [албазинца] с вежливостью принимали в своих покоях и архимандрит [Поликарп] или иеромонах [Гурий] (живший тогда в Северном подворье, около которого помещались албазинцы)...

Албазинец Кирилл помогал Гурию (Карпову) в переводе священного писания. Его жена китаянка Мария была директрисой [албазинской школы]; а её брат Павел <...> по принятии христианства был слугой у архимандрита Гурия».

⁹ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив I-5, 1840. Д. 2. Папка 34. Часть III. Л. 21.

¹⁰ Там же, 1823. Д. 1. Папка 61. Л. 44. Ранее Азиатским департаментом с донесением архимандрита Поликарпа от 6 октября 1843 г. было получено «Соборное послание апостола Якова», переведённое Гурием Карповым на китайский язык. См.: АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив I-5, 1823. Д. 1. Папка 61. Л. 89. Подобными переводами последний занимался и в последующие годы, а в 1865 г. им был опубликован перевод «Нового завета», подготовленного в 1852 г. См.: АВПРИ. Ф. Главный архив I-5, 1823. Д. 1. Папка 74. Л. 466–471.

Терентий [отец Ненилы] — «знаменитый маньчжур, по бедности поступивший в актёры, за что и был исключен из своей роты. Благодаря ходатайству <...> своего партнёра албазинца Стефана его приняли в Северное подворье привратником... Но потом как отец Ненилы он сделан был учителем школы»¹¹.

После возвращения на родину в 1851 г. иеромонаха Гурия, заслужившего приличную пенсию за 10-летнее пребывание в китайской столице, возвели в сан архимандрита и в сентябре того же года назначили смотрителем Александро-Невского духовного уездного училища в Петербурге, что позволило ему расширить свои познания в области церковной и гражданской истории. Об этом можно судить по его письмам, обращённым к В.Г. Помяловскому, известному владельцу ценной библиотеки. В одном таком письме от 25 мая 1855 г. архимандрит деликатно сообщал:

«Посылаю <...> взятые мною у Вас книги. Благодарю Вас за одолжение. Извините, что задержал их и задержал уже совершенно без [особой] нужды. Ещё на пятой неделе поста дело было покончено, и книги были связаны так, как это [Вы] видите, и положены на заметном месте именно для того, чтоб отослать к Вам... Накажите, но не сердитесь. *Я не люблю сердитых, а Вас хотелось бы любить*»¹².

Чтение редких и ценных книг помогло архимандриту 17 августа 1855 г. получить степень магистра богословия, что отчасти определило его дальнейшую судьбу при решении Азиатским Департаментом вопроса о назначении его главой Российской духовной миссии в Пекине, куда он должен был отправиться с новой группой миссионеров и гражданских лиц.

После монашеского пострига лиц, пожелавших отправиться в китайскую столицу, и подбора светских членов для Пекинской духовной миссии в новой миссионерской группе оказались (вместе с её начальником) 10 человек, причём среди подопечных архимандрита Гурия было три иеромонаха (Александр Люцернов (наречённый Антонием), Иван Поликин (с именем Исайя) и Александр Кульчицкий, к которым затем присоединились Константин Павлинов (окончивший Казанскую Духовную Академию), Афанасий Попов, окончивший С.-Петербургскую Духовную Академию со степенью магистра, учитель Александро-Невского духовного училища),

¹¹ Васильев В.П. Китайский вопрос (III) // Новое время. № 1768 (29 января / 10 февраля 1881 г.).

¹² Российская национальная библиотека (РНБ) (СПб.). Ф. 608. Оп. 1. Ед. хр. 1633. Л. 2.

Николай Мраморнов (студент С.-Петербургской Духовной Академии), Дмитрий Пещуров (астроном, окончивший С.-Петербургский университет), врач Пётр Корниевский и художник Лев Игорев¹³.

Для учебных занятий (по китайскому яз.) нового состава Пекинской духовной миссии Азиатский департамент снял квартиру (на верхнем этаже, где было 9 комнат и передняя с кухней) в доме д.с.с. А. Заблоцкого-Десятовского на Васильевском острове (сроком на пять месяцев, начиная с 1 ноября 1856 г.)¹⁴.

Из-за обострения политической обстановки в цинском Китае, ставшего объектом вооружённой агрессии Англии и Франции, срок пребывания в Пекине старого состава духовной миссии был продлён Петербургом на год¹⁵. По этой причине новая группа миссионеров во главе с архимандритом Гурием, застряв в Восточной Сибири, не смогла отправиться в Кяхту (на границе с Монголией) до начала 1858 г. О своём предстоящем отъезде из Иркутска (вместе с П.Н. Перовским в качестве пристава) Гурий известил пограничного комиссара А.И. Деспот-Зеновича письмом лишь 3 июня, где было сказано:

«Наконец, я в Иркутске. Устал до нельзя [от долгого пребывания в пути]... Если Перовский [из-за смерти отца] откажется [ехать в

¹³ Российский государственный исторический архив (РГИА) (СПб.). Ф. 796. Оп. 137, 1856. Ед. хр. 1763; АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив IV-1, 1856. Д. 5. Л. 23.

¹⁴ АВПРИ, СПб. Главный архив I-5, 1823. Д. 1. Папка 93. Л. 42.

¹⁵ Интересны мотивы, побудившие руководство МИД к продлению ещё на один год срок пребывания в китайской столице прибывших сюда новых членов миссии, возглавляемой архимандритом Палладием (П.И. Кафаровым). Они представлены в цитируемом ниже официальном документе:

«Принимая однакож во внимание нынешнее положение дел в Китае и возможность там скорого переворота, Министерство иностранных дел находило бы за лучшее пока приостановиться всякими распоряжениями по отправлению новой миссии, побуждаясь к сему ещё и тем <...> что прежние члены Пекинской духовной миссии по знанию ими китайского языка, по связям и знакомствам, которые они сделали в Пекине, не могут подвергнуться — в случае каких-либо смут и волнений в самой столице Китая — такой опасности, как вновь прибывшие лица, Министерство Иностранных дел по сим соображениям полагало бы: оставить нынешнюю миссию, [функционирующую] в Пекине по крайней мере ещё на один лишний [по сроку] год, т.е. до 1857 года».

Сообщая об этом генерал-губернатору Восточной Сибири [Н.Н. Муравьеву] в отношении своём от 9 марта 1855 г., управляющий МИД отмечал, что «Министерство Иностранных Дел со своей стороны не имеет в виду теперь отправлять от себя какого-либо политического агента в Китай». См.: АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив I-5, 1823. Д. 1. Папка 77. Л. 1, 7.

Пекин], то без сомнения Вы будете сопровождать нас туда. Но едва ли это случится — к немалому моему сожалению... [так как] он посылает доверенность к матери распорядиться разделом имущества... Со следующим пароходом и я [отправлюсь] к Вам. Приготовьте квартиру и для членов миссии, по крайней мере для троих. [П.Н.] Перовский и [Н.В.] Буссе отправятся к Вам 14 июля...»¹⁶.

28 сентября 1858 г. новые члены духовной миссии во главе с архимандритом Гурием прибыли в Пекин, где их приветствовал давний знакомый Гурия по Пекину Палладий (в миру Пётр Иванович Кафаров). С новым составом миссии приехал сюда и чиновник Азиатского департамента П.Н. Перовский, которому, помимо ратификации Тяньцзиньского договора, было поручено обсудить с цинским правительством ряд вопросов, касающихся взаимоотношений России и Китая. Убедившись в ходе бесед с цинскими сановниками в том, что обсуждение этих вопросов не имеет шансов на успех, представитель России стал собираться в обратный путь. Вместе с ним из Пекина 25 мая 1859 г. отправился и прежний глава миссии архимандрит Палладий с сильно поредевшим составом подопечных.

Благодаря опыту, приобретённому в переводе книг религиозного содержания в китайской столице ещё в 40-х гг.¹⁷, архимандрит Гурий по приезде в Пекин в качестве главы духовной миссии более серьёзно и углублённо стал заниматься этим делом, столь необходимым для просвещения своей паствы, особенно неопитов. 29 ноября 1859 г. он писал из китайской столицы кяхтинскому градоначальнику А.И. Деспот-Зеновичу:

«Я обыкновенно занимаюсь переводом Евангелия на китайский язык. В этом деле успел уже кончить 4-х евангелистов — вчерне.

Полагаю, что если дипломатические наши сношения с Китаем и западными державами не помешают, через полгода, много через год, этот труд будет кончен. Между тем по желанию китайцев задумываю составить русско-китайский лексикон, для чего уже есть довольно и материалу»¹⁸.

Касаясь текущих дел миссии, связанных с возвращением ей земельного участка и возведением новой стены в Северном подворье, архимандрит Гурий 24 декабря 1860 г. сообщал в Петербург

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 916. Оп. 16. Д. 52. Л. 687.

¹⁷ См.: «История и культура Китая» (Сборник памяти акад. В.П. Васильева). М., 1974. С. 47–48.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 916. Оп. 1. Д. 52. Л. 17.

Н.П. Игнатьеву (подписавшим 1 октября с цинскими сановниками Пекинский договор о размежевании земель по Амуру и Уссури):

«Землю близ Северного подворья [нам] отдали. Я получил её 14 декабря и уже приступил к заготовлению материалов, чтобы с первою тёплого порою начать возводить стену.

Албазинцам, по Вашему ходатайству, богдохан повелел иметь своего ротного командира, т.е. тем, чем теперь пока [состоит] Му Лун-а, [а] представлявшийся Вам чиновник, имеющий красный шарик, будет Иван, теперешний фэндэ-бошко».

В том же письме глава миссии вопреки прежним сомнениям высказывался в пользу учреждения в Пекине должности епископа:

«Прежде я писал Вам, что это неблагоприятно. Теперь же нахожу сие не только благовременным, но и необходимым, если [в Петербурге] хотят, чтобы у нас тут была православная церковь в сносном положении... Пекинский епископ должен быть снабжён достаточным содержанием и приличною обстановкою»¹⁹.

Архимандрита Гурия, как и его предшественника на посту начальника Пекинской духовной миссии, глубоко волновала судьба Китая, охваченного мощным восстанием тайпинов, и не менее усилившимся давлением на цинское правительство со стороны европейских держав. Это видно из его донесений в Петербург, где пристально следили за критическим положением соседней страны, вынужденной из-за своей военной слабости идти на уступки внешнему врагу. Так, в записке архимандрита Гурия, отправленной в Азиатский департамент 1 декабря 1860 г., говорилось:

«Существование Дайцинского государства в Китае день ото дня становится более невозможным. Инсurreкция довела его до истощения, а удар, нанесённый в последнее время европейцами (Англией и Францией) сразил его окончательно...

Если существование этой династии для чего-нибудь нужно, то в видах упрочения нашего влияния в Китае, по моему мнению, необходимо:

1) Усмирить бунт на юге и вообще всякое брожение в Китае.

Нужно действовать, не дожидаясь повторения просьбы со стороны китайцев...

Но как это сделать, т.е. одна ли Россия или в совокупности с другими государствами должна усмирить бунт — не мне решать. Я хочу только сказать, что Россия в этом деле не должна быть последнею»²⁰.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2737. Л. 9.

²⁰ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 402. Л. 1–3.

В личном письме, отправленном позднее (в январе 1861 г.), архимандрит Гурий, явно настаивая на скором ответе, писал Н.П. Игнатьеву:

«Китайцы с лихорадочным нетерпением ждут от Вас уведомления. Инсургенты-то уж очень донимают их, и довольно скоро — из прилагаемой при сем копии с донесения моего [в Азиатский Департамент от 1 декабря 1860 г.] Вы увидите, в каком положении [находится] дело богдохана. *Нужна скорая и сильная помощь, или Китай будет подвергнут всем ужасам безначалия*»²¹.

Весьма любопытен ответ Н.П. Игнатьева на очередное письмо архимандрита Гурия, отправленное из С.-Петербурга 14 марта 1861 г. (по н. ст.):

«Вы пишете, что китайцы с лихорадочным нетерпением ждут от меня уведомления. О чём? Я ведь обещал доложить Государю [Императору], что китайцы просят о доставлении оружия и инструкторов, и известить их об этом тотчас [по приезде в Петербург] письменно. Я это исполнил. Князь Гун-цин-ван [Исинь] изъявлял как-то желание, чтобы мы взяли за усмирение инсургентов... Я уклонился от положительного ответа, как Вам известно, под тем предлогом, что такое важное дело надо первоначально доложить [нашему] Императору. Так как положительной [письменной] просьбы со стороны китайцев о помощи [пока] не было, то они и не могут ожидать [от нас] письменного ответа, [о чём] на словах я и сказал перед отъездом [из Пекина].

Несмотря на это, я здесь старался сделать что-нибудь для Китая и доложил Государю о желании китайцев, чтобы мы помогли им против инсургентов»²².

В другом письме по поводу военной помощи цинскому правительству Н.П. Игнатьев предлагал архимандриту Гурию быть осторожным в беседах с цинскими сановниками на эту тему:

«Ради Бога будьте осторожны, почтенный о. Архимандрит, в словах Ваших с китайцами, в особенности в разговорах с ними, а также и в донесениях Ваших в Петербург. Хорошо ещё, что я теперь был здесь, и [мы] могли уяснить то, что возбудило [у нас] недоразумение и сомнение»²³.

²¹ Там же. Ед. хр. 2737. Л. 10.

²² Там же. Ед. хр. 408. Л. 135. Подробнее см.: Хохлов А.Н. Англо-франко-китайская война (1856–1860 гг.) и вопрос о помощи России Китаю // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М.: Мысль, 1982. С. 281–339.

²³ ГАРФ. Ф. 730. Ед. хр. 408. Л. 138.

До приезда российского посланника Л.Ф. Баллюзека в Пекин в июне 1861 г. члены Пекинской духовной миссии в своих служебных делах руководствовались инструкцией, составленную Св. Синодом 18 мая 1857 г. для архимандрита Гурия, готовившегося с новыми членами миссии (духовными и светскими) отправиться в китайскую столицу. В соответствии с главным предназначением Пекинской духовной миссии, связанной с организацией церковной службы в целях поддержания православия среди потомков албазинцев, заметно окитаившихся в среде коренного населения Северного Китая, а также изучением религиозной жизни в Цинской империи, упомянутая инструкция содержала, в частности, следующие положения:

«1) Члены миссии, духовного ли они или светского звания, составляют единое семейство, подведом[ственн]ы и подчинены Вам как наставнику и отцу...

Более же всего должны Вы наблюдать: ... г) Дабы члены миссии в точности исполняли свои христианские обязанности и дабы каждый из них во все четыре поста в году исповедовался и причащался Св. Тайне, о чём ежегодно доносить Св. Синоду на общем основании, дабы все они изучали язык туземцев к благоуспешному духовному и нравственному на них влиянию».

«7) Службы в церквях должны быть совершаемы неукоснительно, благообразно и по чину во все воскресные, высокаторжественные и торжественные дни, а члены миссии от старшего до младших, как всегда и везде, тем более при богослужениях, да подадут собою приходящим в церковь примеры благоговения сыновьяго пред Господом...».

«12) Заботиться об умножении христианских книг на понятном для китайцев языке, ибо книги эти всегда могут заменить устную беседу... Св. Синоду особенно приятно иметь перевод Священного писания и богослужебных книг, но прежде всего самонужнейших для первоначального [об]учения: молитв и сокращённого катехизиса, а также краткой священной истории».

«Сверх всего вышеизложенного, вменяется Вам, архимандрит Гурий, в обязанность доводить до сведения начальства:

а) о состоянии веры, нравственности и духовных нуждах православных Пекинской церкви, об их повериях, суевериях (если таковые обнаружатся), равно и об обрядах семейных при разных случаях жизни и вообще обо всём, что выходит из обыкновенного круга вещей и характеризует народ с религиозной стороны.

б) о состоянии господствующей веры и духовенства в Китае; о порядке и способах духовного управления и главных духовных лицах.

в) о сущности учения других нехристианских сект, существующих в китайской империи..., какими книгами руководствуются разные

секты, кто их писатели [сочинители] и кто главнейшие действующие лица;

г) сведения об отношениях господствующей в Китайской империи веры и прочих сект к европейцам и понятия об исповедующих оные европейских нациях; д) об успехах латинских [католических и иных] миссионеров ... какие пределы ведомства каждого из епископов и приблизительное число христиан латинского вероисповедания в каждой епархии и, наконец, сведения о прочих христианских исповеданиях, распространяющихся в Китае»²⁴.

В связи с учреждением Российской дипломатической миссии в Пекине в 1861 г. члены Пекинской духовной миссии, как светские, так и духовные, благодаря русско-китайским трактатам, заключённым с цинским правительством в Тяньцзине в 1858 г. и в Пекине в 1860 г., получили большую свободу в передвижении по стране и общении с местным населением, чего раньше почти не могло и быть из-за строгого надзора со стороны столичных властей, особенно следивших за поездками россиян за пределы Пекина. Известный дипломат и деятель РГО Ф.Р. Остен-Сакен, интересовавшийся историей Пекинской православной миссии, в черновых набросках по данному вопросу оставил следующую запись:

«Архимандрит Гурий был начальником четырнадцатой и последней Пекинской духовной миссии до её преобразования в 1861 г., когда миссия перешла из ведомства МИД в ведение Св. Синода... В продолжении 140 лет члены миссии во время пребывания в Пекине были почти что отрезаны от остального мира. Они были единственными европейцами, находившиеся в столице [Пекина] было официально допущено. Раза три-четыре в год начальник миссии посылал в Петербург свои донесения при посредстве китайской [казённой] почты, соединявшей Пекин с русским пограничным городом Кяхтою»²⁵.

Более свободное передвижение по Китаю в сочетании с разрешением вести миссионерскую пропаганду открывало перед Пекинской духовной миссией более широкие возможности в распространении православия в Китае²⁶, главным центром которого в течение ряда последующих лет оставалась китайская столица с её окрестностями, где

²⁴ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив I-5, 1823. Д. 1. Папка 94. Л. 10–18.

²⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1385. Оп. 1. Д. 482.

²⁶ *Андреева С.Г.* Тяньцзиньский (1858 г.) и Пекинский (1860 г.) международные договоры и их влияние на судьбу Российской духовной миссии в Пекине // XXXIII научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: «Восточная литература» РАН, 2003. С. 83–84.

с давних пор (20–30-е гг.) располагались земельные участки миссии, находившиеся в её собственности или в арендном пользовании.

После заключения Пекинского русско-китайского договора в октябре 1860 г. и отъезда Н.П. Игнатьева в Россию в деятельности Пекинской духовной миссии, несмотря на полученное по Тяньцзиньскому договору разрешение российским миссионерам свободно заниматься христианской пропагандой, на первых порах практически мало что изменилось, за исключением того, что глава миссии больше, чем его предшественники, обращал внимание на её просветительскую работу, связанную с переводом на китайский язык христианской литературы и учреждением в Пекине в 1859 г. женского духовного училища²⁷.

Подробные сведения о приезде российского посланника Л.Ф. Баллюэка в Пекин архимандрит Гурий сообщил в Азиатский Департамент Е.П. Ковалевскому письмом от 5 июля 1861 г., в котором говорилось:

«Лев Фёдорович Баллюэк прибыл в Пекин сего 1861 г. июня 26 дня. Сам он, равно и свита его, наслаждается добрым здоровьем. Только супруга его, Анна Александровна, несколько пострадала в пути: она простудилась и теперь ещё не выходит [из дома]...

Лев Фёдорович с супругою (при которой есть и горничная) и секретарем г-ном Глинкой поместились в самом монастыре, а мы [временно] перебрались на передний (посольский) двор и поместились возле кухни. Впрочем, я лично перееду в Северное подворье. Там, за отсутствием г-на Пещурова есть одна свободная комната...

На вакансию драгомана при посольстве Лев Фёдорович избрал бывшего члена [духовной] миссии, мне вверенной, г-на Попова... Г-н Попов рассчитан и получил ... содержание по 1 июля сего 1861 г.»²⁸

После приезда в Пекин в 1861 г. посланника Л.Ф. Баллюэка и перехода на дипломатическую службу ряда членов Пекинской духовной

²⁷ О важности переводов богослужебных книг на китайский язык ранее писал в Св. Синод архимандрит Петр (в миру Павел Иванович Каменский). Это видно из его донесения от 2 февраля 1823 г., где было сказано: «От прилежного занятия духовных [членов миссии] китайским языком можно при помощи Божией надеяться, что нужнейшие места [пассажи] священнослужения скоро будут переведены на китайский язык, без чего хождение албазинцев в церковь тщетно. Служба Божия отправляется в обеих обителях [Южном и Северном подворьях], и албазинцы с нами уже довольно сблизились знакомством» (АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив I-5, 1817–1840. Д. 1. Папка 3. Л. 191).

²⁸ РНБ. Ф. 356. Ед. хр. 194. Л. 7.

миссии (А.Ф. Попова, К.И. Павлинова, Д.А. Пешурова и Н. Мраморова) последняя стала всё более активно втягиваться в исключительно миссионерскую работу. Об этом сообщает архимандрит Гурий в письме от 29 октября 1861 г. к директору Азиатского департамента Н.И. Игнатьеву, где, в частности, говорилось:

«Каждую неделю три раза собираются ко мне кто свободен [от дел], и я объясняю им катехизис. Случается и нередко, что на эти беседы приходят и язычники. Обращения [последних] нередки. Уже теперь у нас неопитов далеко за 200 чел. В половине октября О. Исая [И.Ф. Поликин] ездил в деревню Дундин(ань) [в окрестностях Пекина] и там окрестил 35 чел.»²⁹.

В другом письме от 28 августа 1861 г. глава духовной миссии, выражая благодарность за известие о посланных в Пекин книгах и иконах, писал своему петербургскому знакомцу:

«Иконы были бы нам большим подспорьем. *Паства наша увеличивается, можно сказать, ежедневно. Редкое воскресенье проходит без крещения.* Следовательно, крестики да иконы [здесь] весьма нужны»³⁰.

В ответ на дополнительную инструкцию, присланную из Петербурга через г-на [Н.П.] Игнатьева и по его указанию (бывшего здесь посланником), архимандрит Гурий сообщил свои соображения о том, что нужно было бы сделать для расширения круга действий российской духовной миссии в Пекине в видах более успешного распространения христианства в Китае. В этом ответе между прочим было указано и на необходимость учреждения здесь должности православного епископа. О характере просьбы архимандрита Гурия сообщить его соображения Св. Синоду о мерах улучшения миссионерской деятельности в Китае позволяет судить письмо главы Пекинской духовной миссии от 28 августа 1861 г., приводимое ниже:

«Речь об [российском] епископе в Пекине становится притчею во языцах!

В ответ на дополнительную инструкцию, присланную мне Св. Синодом, я по вызову [инициативе] Игнатьева, бывшего здесь [в ранге] посланника, написал свои соображения о том, что нужно было бы сделать для расширения круга действий [нашей] духовной миссии в Пекине в видах успешнейшего распространения христианства в Китае. В этом писании [докладной] между прочим указано и на необходимость быть здесь [нашему] православному епископу. Я

²⁹ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 2737. Л. 13.

³⁰ РНБ, Отдел рукописей. Ф. С.-Петербургская духовная академия. А-1-79. Л. 498.

просил г-на Игнатьева сообщить эти мои соображения и Св. Синоду, если найдёт он это удобнее. Полагаю, что г-н Игнатьев сделал своё дело: он человек и добросовестный и деятельный. В частных письмах [позднее] [я] указывал ему на лиц, которых можно было бы послать для управления [нашей] церковью [в Китае]...

Мне кажется, что Св. Синоду следует самому поднять это дело истинно великое и истинно полезное.

К концу года я, вероятно, представлю Св. Синоду отчёт о наших здесь действиях. Впрочем, скажу, что без денег нечего и затевать этого дела. Во-первых, для епископа даже и помещения ещё нет (хотя место для постройки зданий уже отведено)... Хотя бы уж хороших священников-то прислали сюда!»³¹.

Для характеристики миссионерской деятельности россиян в окрестностях Пекина весьма интересным представляется приводимое ниже сообщение Л.Ф. Баллюзек в его частном письме, отправленном 31 января 1863 г. в Азиатский Департамент МИД, который представил этот документ царю в сокращённом варианте:

«Во время последних переговоров на счёт устройства почтового сообщения между Кяхтою и Пекином, китайцы сообщили ... Баллюзеку, что англичане домогались учреждения консульства в Урге, но им было отказано в этом, так как у них нет торговли в Монголии. Члены Цзунлиямэня [китайского МИД] жаловались также на действия католических миссионеров, которые возбуждают обращённых китайцев [неофитов] к неповиновению властям.

Ненависть к проповедникам христианства служит поводом к распространению о них самых нелепых слухов.

В последнее время в [китайском] народе обнаружилась неприязнь и к православным китайцам, обращённым нашими миссионерами [в нашу веру]. В деревне Дундин(ань) (Чжилийской провинции) находится значительное число [наших] христиан. Местное языческое население угрожало им не допускать сооружение молитвенного дома, который предполагали выстроить там по распоряжению начальника духовной миссии архимандрита Гурия... Баллюзек, имея в виду общий указ [цинского двора] о христианстве, обнародованный в прошедшем году, разрешил о. Гурию отправить иеромонаха Исаяю к уездному начальнику упомянутой местности с поручением просить его объявить жителям Дундин(ань) означенный указ, который им, вероятно, не известен. Вместе с тем министр-резидент [Баллюзек] поручил о. Исаяю предупредить китайского начальника, что при малейшем противодействии со стороны жителей дело будет доведено

³¹ РНБ. Ф. СПб. духовная академия. А-1-79. Л. 498–499.

до сведения высшего правительства... Баллюзек изъявляет надежду, что постройка часовни не встретит там препятствий»³².

Ещё к октябрю 1859 г. по инициативе архимандрита Гурия, помимо мужского училища для албазинцев, было открыто женское училище, ставшее важным событием просветительской деятельности Пекинской духовной миссии. Об интересе, проявленном цинскими властями к появлению этого заведения, было сообщено в Петербург в следующем письме начальника миссии 28 августа 1861 г.:

«Девичье училище, открытое мною полтора года назад, признано официально существующим, впрочем, за счёт пожертвований. Государыня Императрица да и сам Государь Император пожертвовали по 1000 руб. серебром. Теперь в нём обучаются 14 девиц...

Скажу Вам, что девичья школа в Китае редкость. Есть приюты и разные заведения с разными специальными целями. Но чтоб учили девиц добру — это большая редкость и потому [этот факт] сильно поражает китайцев»³³.

Деятельное участие в судьбе нового духовного учебного заведения приняла жена российского посланника Л.Ф. Баллюзек — Анна Александровна Баллюзек. В записке, составленной ею об этом училище, сообщалось следующее:

«При приезде моём в Пекин я застала в училище 14 девочек. При мне поступило в него 4: Агафья и Акулина Хой [Хуэй], Дарья Хоа [Хуа] и Унюр-Хоан [У Нюйхуан]. Последняя — дочь язычников, изъявивших желание креститься. При училище по-прежнему состоят 3 учительницы: Марья Юй, Мелания — сестра её и Евфимия, двоюродная сестра первых [двух]. Все — христианки и албазинки.

До сих пор девочкам преподавали священную историю, Ветхий и Новый завет, катехизис и китайскую грамоту. Это классы — дообеденные. После обеда их занимают рукоделием...

Воспитанницы, кроме казённой квартиры, отопления и столовых денег получают ещё и жалование. Они живут у родителей неподалёку от Северного подворья, а их родители получают на каждую из них по 2 руб. сер. в месяц на стол»³⁴.

³² АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив I-1. 1862–1865. Д. 480. Л. 126–127. На документе имеется следующая помета, написанная (судя по почерку Н.П. Игнатьевым) чёрными чернилами: «Возвращено от Государя-императора 20-го апреля 1863 г.».

³³ РНБ. Ф. СПб. духовная академия. А-1-79. Л. 500.

³⁴ АВПРИ. Ф. Китайский стол, 1861–1865. Д. 153. Л. 18.

Говоря о реакции цинских властей на появление в столице женского учебного заведения, жена посланника при характеристике состояния училища отмечала:

«Китайцы, смотревшие сначала с недоумением на это нововведение, начинают теперь сознавать его пользу и с охотою просят о помещении их дочерей в [наше] училище»³⁵.

Говоря о внимании членов Пекинской духовной миссии к своему новому детищу — женскому училищу, Анна Баллюзек в своем отчёте с удовлетворением отмечала, что архимандрит Гурий «преподаёт желающим из девочек русский язык», а иеромонах Исая (И.Ф. Поликин) осуществляет «ближайший надзор за всем заведением и присутствует на уроках»³⁶.

Продолжая поддерживать деловые контакты с женским училищем, оказавшееся в надёжных руках Анны Баллюзек, женщины образованной, деликатной и умной, архимандрит Гурий активно занимался переводом на китайский язык основополагающих христианских книг, что видно из его письма от 1 августа 1861 г. к Н.П. Игнатьеву:

«Я живу теперь в Северном подворье за недостатком места в Южном, поэтому многого не знаю... Ко мне ходят два китайца из учёных. С ними я поверяю свой перевод Нового Завета. Когда [ты] за делом, скуки особенной не чувствуешь»³⁷.

«Теперь, — писал глава миссии своему знакомцу в Петербурге, — я пересматриваю свой перевод Св. писания Нового Завета. Через год эта работа должна кончиться. Хорошо было бы напечатать её. Но где взять 2000 руб. сер.? У Св. Синода, [на]верно, нет лишних»³⁸.

Из отчёта Анны Баллюзек, а также приложенных к нему документов, содержащих её мнение об уровне знаний отдельных учителей и учениц, можно видеть, сколь добросовестно и самоотверженно она отдавала себя делу воспитания и обучения будущих помощниц российских миссионеров. Только тяжёлая болезнь (острая боль в груди), обусловленная непривычным для европейца пекинским климатом с угнетающе сильной жарой и высокой влажностью в летнее время, а также весенними ветрами, приносящими из монгольских степей в китайскую столицу много песка, помешали Анне Баллюзек продолжить наблюдение и контроль за столь необычным для местного населения учебным заведением, каким являлось женское духовное училище при

³⁵ Там же. Л. 19.

³⁶ Там же.

³⁷ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 2737. Л. 16.

³⁸ РНБ. Ф. СПб. Духовная Академия, А-1-79. Л. 499–500.

Пекинской духовной миссии. Из-за постоянного кашля и затруднённого дыхания ей пришлось по настоянию врачей оставить Пекин и своего мужа, чтобы в сопровождении европейских дипломатов и их жён отправиться в Россию через Монголию в Кяхту для последующего следования транссибирским путём в Европу.

С отчётом жены посланника управление женским училищем вновь перешло в руки архимандрита Гурия, которому изначально принадлежала мысль учреждения этого заведения, столь необходимого для подготовки кадров будущих помощниц для ведения более широкой миссионерской деятельности среди китайского населения. Создание женского духовного училища в Пекине явилось первым шагом навстречу предстоящим преобразованиям, касающимся новой роли пекинской миссии в условиях развивающейся российской дипломатической и консульской службы.

12 октября 1862 г. архимандрит Гурий уведомил директора Азиатского Департамента МИД Н.П. Игнатьева о первом выпуске из основанного им на собственные средства училища. При этом с почтой, уходящей в Россию (в особом ящике под № 38) он послал образцы их художественного творчества (три пары женских башмаков и две искусно оформленные закладки для книг). В указанном письме, отправленном в Петербург, глава миссии сообщал:

«Пять девиц, кончивших курс, вообще говоря, хорошо осведомлены с истинами православной веры, порядочно пишут, очень хорошо шьют, даже вышивают»³⁹.

Огромных усилий и большого организаторского таланта Гурия Карпова потребовала работа по переводу на китайский язык Нового Завета и его изданию. Более двух лет ему и его китайским помощникам пришлось заниматься переводом на китайский язык и сверкой текста Нового Завета. Как была налажена взаимная помощь и кооперация в творческом процессе между руководителем этой работы и его помощниками — грамотными китайцами и албазинцами, свидетельствует донесение архимандрита Гурия в Св. Синод от 14 апреля 1863 г. с последующим распоряжением последнего относительно передачи перевода Нового Завета на рецензирование известным китаистам Аввакуму Честному и Даниилу Сивиллову. Чтобы конкретно и зримо представить порядок организации совместной

³⁹ АВПРИ. Ф. Китайский стол, 1861–1865. Д. 153. Л. 30. По желанию императрицы Марии Александровны одна пара женских башмачков была отправлена в музей Русского географического общества, а другая — в этнографический музей Академии Наук.

работы над текстом перевода, достаточно обратиться к докладу Св. Синода об итогах обсуждения упомянутого донесения архимандрита Гурия с последующим решением о назначении рецензентом для оценки представленного им перевода Нового Завета.

В этом документе, одобренном верховной властью, в частности, говорилось:

«По указу Его Имп. величества Св. Правительствующий Синод слушали донесение начальника духовной миссии нашей в Пекине архимандрита Гурия от 14 апреля 1863 г. за № 16 с представлением книги Священного писания, переведённых на китайский язык, причём архимандрит Гурий объясняет

1) за основной текст при переводе принят был им «Новый завет» на славянском и русском наречиях, изданных по благословению Св. Синода Библейским Обществом в 1822 г. в СПб. Был у него под руками и «Новый завет» на греческом и латинском языках, изданный в 1848 г. Тимендорфом. Но к тексту этого издания обращался он только в тех случаях, когда по русскому изданию не мог составить отчётливого понятия о смысле того или другого выражения. Если ему приходилось выбирать один из вариантов, то он большею частью следовал чтению <...> собственно потому, что и русский текст больше сходен с этим изданием.

2) Перевод его «Нового завета» на литературный язык не первый в Китае. В начале нынешнего столетия некто г-н Морисон, довольно долго живший в Кантоне [Гуанчжоу], первый из европейцев перевёл на китайский язык книги «Нового завета» и напечатал в 8 книжках. Затем в 40-х гг. обществом протестантских веропроповедников были переведены всё переложение книги «Ветхого» и «Нового Завета» и в 1855 г. напечатаны в 4-х книгах в Гонконге. После них и американцы в Шанхае сделали переложение обоих «Заветов» и напечатали в 1859 г. — тоже в 4-х книгах (в этой книге из 4-х евангелий напечатано только одно — от Иоанна, прочие 3 — не помещены). В том же 1859 г. в Чжэньцзяне напечатан ещё [один] перевод «Нового Завета», несколько отличный от вышеупомянутых, и как значится на заглавном листе, исполненный по греческому тексту. Из газет архимандрит Гурий знал о существовании этих переводов и употреблял некоторые меры к приобретению их, но по смутным обстоятельствам Китая не мог получить до конца 1860 г. В октябре этого года бывший чрезвычайный посланник в Китае генерал-адъютант Н.П. Игнатьев прибыл из Шанхая в Пекин и вручил ему все вышеупомянутые переводы. Приобретение этих ценных для него изданий было очень важным [делом], [так как] из них он познакомился с христианскою терминологиею, усвоенною протестантскими миссионерами, а главное состояло в том,

что он совершенно убедился в необходимости окончить свой давно начатый перевод. Кроме того ... гг. переводчики в понимании и переводе Св. Писания следовали исключительно своему личному взгляду на переводимый текст, причём они совершенно без нужды отвергли введённую иезуитами христианскую терминологию, уже более 200 лет употреблявшуюся в Китае и народом легко понимаемую, заменив её новою и нисколько не лучшею прежней. Этих двух причин уже вполне достаточно для того, чтобы желать нового, более удовлетворительного перевода.

Между тем к сказанному надо ещё прибавить какофонию, стечение звуков, неприятно поражающих слух. Ни в одном из вышеупомянутых переводов не обращено на это должного внимания (впрочем, это могло произойти и от отличия южного наречия от северного). А какофония — предмет не последней важности в китайском языке, где для выражения мыслей существует 35 тыс. букв и не более 600 звуков, и где под одним и тем же звуком зачастую понимаются предметы и очень приличные, и очень неприличные.

3) Перевод свой он [архимандрит Гурий] не считает совершенством: он только старался по возможности устранить из него замеченные в других [переводах] недостатки. Терминология удержана им та самая, которая здесь с давних пор находится в употреблении между православными христианами, причём почти не различается от католической и всем понятна. Собственные имена Спасителя, людей, мест и проч. переданы им тонически, т.к. они произносятся в православной России (например, у него написано Христос, а не „Цзи-ду“, как у протестантов и католиков, Авраам, а не „Яба-лан“, ... Египет, а не „Э-жи-до“) и проч. Язык употреблён простой, общеупотребительный в классе образованных, без щегольства фразою и претензии на большую учёность. Он, архимандрит Гурий, говорил это с уверенностью потому, что для поверки самого себя он перевод свой предлагал на суд китайцам, а именно одного хорошо образованного китайца, по фамилии Лун, нисколько не знакомого с христианством, и из наших двух человек: катехизатора Ивана и наставницу из женского училища Марию. Перевод читан был в общем собрании. По прочтении нескольких стихов китаец Лун пересказывал своими словами, как он понял прочитанное. Если изъяснение оказывалось или неточным или неверным, и причина этого была в неудачном переводе, равно если фраза представляла неприятное стечение звуков, всё это тотчас же по общему решению совещания исправлялось. При этом он, архимандрит Гурий, свидетельствует, что приглашённые к чтению христиане были очень полезны делу, их уши свободнее отличали удачные и неудачные сочетания звуков. Желая успеха

[общему] делу, так сильно интересовавшему их, они с большим вниманием охотно и откровенно высказывали своё одобрение или неодобрение тому или другому выражению, чего от китайца-нехристианина трудно было ожидать. Таким образом в течение года употребляя по меньшей мере часов по пяти ежедневно, они пересмотрели весь перевод, исправили всё, что требовало исправления. При сём представлены следующие книги: Евангелия от Матфея, Марка, Луки, Иоанна; деяния Св. апостолов, Апокалипсис, семь соборных посланий, послания к Титу, Филимону и к евреям...

Указ с приложением книг октября 12 дня 1863 года»⁴⁰.

Если архимандрит Аввакум, получивший рукописный экземпляр перевода Гурия Карпова, ограничился довольно краткой констатацией достоинств и недостатков этого произведения, то Даниил Сивиллов (в то время настоятель Борисоглебского монастыря Ярославской епархии), получивший печатный экземпляр по почте из Ярославля⁴¹, 20 декабря 1863 г. представил развёрнутый отзыв, приводимый ниже:

«Отзыв <...> о достоинстве перевода с русского на китайский язык книг духовного содержания, сделанного начальником Пекинской духовной миссии архимандритом Гурием,

1) Первая книжка под заглавием: Жизнь Господа нашего Иисуса Христа, с которой я начал чтение, включает в себе свод разных замечательных событий... Достоинство перевода этой книжки возвышает ещё и отсутствие того напряжения, какое иногда можно видеть в усилиях некоторых переводчиков, перелагавших подлинник слишком в буквальном виде. Вообще в переводе этой книжки ясность мысли с плавностью слога везде выдерживается с постоянным наблюдением.

Впрочем, попадались в этой книжке некоторые неточности в переводе и то не во многих местах, но [это] самые неважные, от которых несколько не страдает подлинный смысл евангельских истин, тем более, что это книжка не есть буквальный перевод евангелий в строгом смысле, а выбор упоминаемых в них событий, изображающих картину жизни Иисуса Христа...

2) После первой книжки я начал пересматривать вторую под заглавием «Зерцало православного исповедания». Оригинал этой

⁴⁰ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 230. Оп. 5. Д. 2079. Л. 1–4.

⁴¹ Решением Ярославской консистории от 31 октября 1863 г. присланные книги были отосланы при указе архимандриту Даниилу «на рассмотрение с тем, чтобы он со своим мнением о достоинстве их» возвратил китайский перевод в консисторию. См.: ГАЯО. Ф. 230. Оп. 5. Д. 2079. Л. 6.

книжки взят из сочинений святителя Димитрия Ростовского чудотворца. Она разделена на три части. В основание их положены три евангельских добродетели: вера, надежда и любовь...

Примечание. Книжка «Зерцало православного исповедания», в переводе на китайский язык отличается от русского оригинала тем, что к ней приложены в переводе толкования на символ веры, молитву господню, на 9 блаженств и 10 заповедей и проч., которых в оригинале нет. И это сделано очень благоразумно, потому что в этом виде представленная книжка может вполне пользоваться правом самого превосходного православного катехизиса, и иметь больше успеха в достижении своей цели. Перевод этой книжки сделан весьма удачно: слог в ней чист, приятен и легко может быть понимаем.

3) Третья книжка заключает в себе утренние и вечерние молитвы, переведённые по молитвослову московского издания, с приложением в конце известной великолепной молитвы Ефрема Сирина. Китайский язык в них чист, понятен и верен своему подлиннику. По тщательной же отделке перевод этих молитв может стать в ряду с лучшими переводами в своём роде.

4) [Когда] четвертою книжкой занялся я, то прочитал в ней правило для готовящихся ко св. причащению [причастию]. Перевод этой книжки также сделан по молитвослову московского издания, только с небольшими прибавлениями, а именно: после молитвы — помилуй нас, Господи... — помещено увещание духовника исповедникам... и потом следует уже канон к св. причащению, впереди которого поставлен 50-й псалом...

Три псалма, следующие пред началом молитв ко св. причащению, равно как и пред каноном 50-м псалмом, переведены по русской псалтири очень хорошо, тем более, что они краткостью своих выражений весьма сходятся с характером китайского языка, который в особенности не любит многословия и излишества в речи. Молитвы же пред св. причащением и после него, несмотря на плодovitость слова в некоторых из них, переведены весьма искусно, со всеми оттенками и красотами греческого церковного красноречия.

В конце молитв ко св. причащению приложено увещание к причастникам, как они должны держать себя во время причащения св. тайн, и что должны соблюдать после причащения. Канон в своём переводе пользуется теми же совершенствами, какими украшены и молитвы, с тою только разностию, что в нём краткость слова даёт большую силу речи, а в молитвах плодovitость слова придаёт ему разнообразие в колорите...

5) Пятую книжку составляет краткая св. история Ветхого Завета. Перевод такого содержания книжки сделан теперь очень кстати <...> перевод оной вышел красив и для понятия доступен.

б) Трактат о посте, молитве, исповеди и св. причащении, изложенный в форме разговора, заключал моё чтение книжек в переводе на китайский язык. Он также напечатан отдельной книжкой и разделён на 4 части.

[З]десь попеременно ведётся речь между духовным отцом и его духовным сыном — с возражениями и предложениями недоразумений, с одной стороны, и с решениями — с другой, и некоторыми замечаниями. Так как эта книжка не есть перевод, а учёное сочинение, то автор, не стесняясь изложением своих мыслей в переводе, что неизбежно бывает при переводе чужих произведений, вёл речь свободно, а потому слог в ней не только складен и плавлен, но ещё отличается изяществом изложения. Некоторые из сих книжек могут с пользою приняты для катехизического употребления...

Мне известен перевод библии Ветхого Завета, сделанный <...> на китайский язык одним из католических миссионеров в Пекине Пуеротом. Он хранится в виде рукописи в имп. Публичной библиотеке в С.-Петербурге, а в библиотеке Азиатского Департамента [МИД] имеется перевод на китайский язык Евангелия св. Апостола Матфея, тоже в рукописи. В библиотеке же Пекинского Сретенского монастыря я видел рукопись на китайском языке молитв, читаемых мирянами за литургией, переведённых по молитвослову киевского издания. На все эти переводы указываю с тем, чтобы [при]дать им известность и прилизить к своей цели, сообразно с их назначением.

При сём прилагаются и самые книжки в 3-х экземплярах, присланные ко мне для определения их достоинства в [китайском] переводе»⁴².

В конце мая 1864 г. архимандрит Гурий со своей группой миссионеров прибыл из Пекина через Монголию в Кяхту⁴³, откуда отправился через Сибирь в европейскую часть России в С.-Петербург, куда доставил изданный в китайской столице перевод «Нового Завета». Об этом событии Азиатский департамент МИД 7 января 1865 г. поспешил сообщить обер-прокурору Св. Синода в специальном письме, в котором говорилось:

«Архимандрит Гурий доставил в МИД для представления Св. Синоду экземпляр Нового Завета на китайском языке, им переведённый и отпечатанный в Пекине под его наблюдением... Считаю долгом обратить особенное внимание Ваше на труд архимандрита Гурия, которому он посвятил шесть лет своего пребывания в Пекине.

⁴² ГАЯО. Ф. 230. Оп. 5. Д. 2079. Л. 8–13 (автограф).

⁴³ Государственный архив Иркутской области. Ф. 46 ис. Оп. 1. Д. 135. Л. 37.

Переводом Евангелия на китайский язык положено самое прочное основание будущим работам нашей духовной миссии в деле распространения православия в Китае».

На отдельном листке был указан перевод «Нового Завета» на китайский язык в следующем составе:

- «1. Евангелие от Матфея.
2. Евангелие от Марка.
3. Евангелие от Луки.
4. Евангелие от Иоанна.
5. Деяния Св. Апостолов.
6. Семь соборных посланий.
7. Послание Апостола Павла к римлянам.
8. Первое и второе послания Апостола Павла к коринфянам.
9. Послание Апостола Павла к галатам, ефесянам, филиппийцам, колоссянам.

10. Послания апостола Павла: первое и второе к солунянам; первое и второе к Тимофею, к Титу, к Филимону, к евреям.

11. Откровение Св. Иоанна»⁴⁴.

Об участии Аввакума [Д.С. Честного] в рецензировании перевода «Ветхого Завета» (в 11 тетрадах), выполненного архимандритом Гурием (Карповым), позволяет судить приводимая ниже служебная записка неизвестного лица от 25 июня 1865 г.:

«Аввакум прежде давал отзыв на рукописный перевод Гурия “Нового Завета”, выполненный последним в 1862 г.

При ознакомлении с печатным экземпляром [этого перевода] в 1864 г. им также были высказаны критические замечания, но в целом он оценивал перевод архимандрита Гурия выше выполненного английским миссионером Медхерстом, с которым Аввакум имел возможность встречаться и беседовать в Шанхае [в конце 50-х гг.]». «Медхерст лично говорил мне, — писал в рецензии Аввакум, — что китайский слог своего перевода он исправлял несколько раз при помощи китайцев, жалуясь в то же время на недостаток там учёных, искусных в китайской словесности. Может быть, по этой причине и последний его печатный перевод во многих местах оказывается тёмным или не согласным с духом китайской словесности.

При подготовке своего перевода Гурий также использовал перевод Медхерста, включив при этом многие места этого перевода в свой труд без всяких [текстуальных] изменений»⁴⁵.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив I-5. Оп. 4, 1823. Д. 1. Папка 74.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив I-5, Оп. 4, 1823. Д. 1. Папка 74. Л. 466–471.

Для полноты оценки специалистами перевода «Нового Завета», выполненного архимандритом Гурием, следует обратиться к более полному тексту рецензии, написанной 25 июня 1865 г. уже больным Аввакумом Честным и адресованным на имя «первейшего члена Св. Правительствующего Синода Исидору, митрополиту Новгородскому, С.-Петербургскому, Эстляндскому и Финляндскому»:

«Резолюциею, положенною на указе Св. Правительствующего Синода от 12 октября 1863 г. № 3304, Вашему Высокопреосвященству благоугодно было поручить мне — по рассмотрении рукописного перевода Нового Завета на китайском языке, сделанного архимандритом Гурием в 1862 г. — представить ... отзыв, [касательно] его достоинства. Согласно поручению Вашему, рассмотрев весь перевод Нового Завета, я хотел было войти к Вашему Высокопреосвященству с запискою о том, что этот перевод, отличающийся перед другими, мне известными, бóльшею ясностью к русскому тексту, ещё требует внимательнейшего пересмотра и значительных исправлений в отношении к китайскому слогу, как в настоящем году архимандрит Гурий прислал свой перевод в Азиатский департамент, уже отпечатанным и во многих местах уже исправленным против рукописи.

Рассмотрев печатный экземпляр перевода архимандрита Гурия, я нахожу, что этот перевод ближе всех подходит к переводу английского миссионера Меджерста, который живя в ... Шанхае, лично говорил мне, что китайский слог своего перевода он исправлял несколько раз при помощи китайцев, жалуясь в то же время на недостаток там учёных, искусных в китайской словесности. Может быть, и по этой причине и последний его печатный перевод во многих местах оказывается или тёмным или не согласным с духом китайской словесности.

Таких недостатков архимандрит Гурий старался по возможности избежать. В его переводе смысл св. писания везде удобопонятен; китайская конструкция отличается бóльшею правильностью и нигде не противоречит духу китайского языка...

Неправильно переведённые английским переводчиком места архимандрит Гурий усмотрел и исправил (см.: Примечание 1). Переведённые же правильно и выраженные согласно с духом китайского языка архимандрит Гурий включил в свой перевод без всяких изменений (см.: Примечание 2). При всём таком старании об исправлении перевода архимандрит Гурий и в печатном экземпляре оного оставил некоторые места не совсем исправленными... Все упомянутые недосмотры (см.: 3–5) со временем легко могут быть исправлены. Затем русское переложение Нового Завета на китайский язык из всех современных переводов по справедливости должно признать лучшим. Само собою разумеется, что китайцы, когда будут охотно

читать Св. Писание и углубляться в смысл его, сами будут стараться тяжёлым или неправильным выражениям придать более лёгкости и правильности, и, наконец, очистят переводной китайский слог до такой степени, что Св. Писание для верующих будет душевспасительным, а для неверующих по крайней мере вразумительным и, конечно, бесполезным чтением».

Примечания.

«4) К числу заменённых в переводе [имён] другими, одно из важнейших есть имя Иисус. По всему Новому Завету оно заменено словом Господь, и только в начале главы самое имя упомянуто. В переводах европейских миссионеров такого замещения не видно. Полагаю, что архимандрит Гурий, придерживаясь китайских правил не называть важных всеми уважаемых лиц по имени, и опасаясь, чтобы частым упоминанием имени Иисуса не возбудить в читателях мысли о своём неуважении к этому достопоклоняемому имени, заменил его словом Господь, которое по-китайски выражается одним знаком „чжу“ и для произношения гораздо легче».

«В общих замечаниях о достоинстве рассматриваемого перевода Нового Завета на китайский язык считаю долгом ещё сказать, что архимандрит Гурий все имена лиц, упоминаемых в Евангелии, названия местностей, городов, рек и др. выразил на китайском языке приблизительно к названиям русским... Я не нахожу в этом ничего худого, но если говорить о китайцах, которым придётся читать Новый Завет, я сильно сомневаюсь, чтобы они легко привыкли к выговору упомянутых переложений. Это покажут последствия [чтения имён и названий китайцами]»⁴⁶.

Особого внимания при оценке перевода о. Гурия заслуживает общая позиция рецензента, что видно из записки архимандрита Аввакума в Азиатский департамент МИД от 30 июня 1865 г., в которой было, в частности, сказано:

«Чтобы Св. Синод не изъявил своего неудовольствия архимандриту Гурию за то, что он ... не испросил у Св. Синода особого дозволения собственно на то, чтобы [без цензуры] отпечатать свой перевод, ещё не рассмотренный и к печатанию Св. Синодом ещё не одобренный, я полагаю, что Азиатский департамент избавит архимандрита Гурия от

⁴⁶ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив I-6. Оп. 4, 1823. Д. 1. Папка 74. Л. 466–471 (цитируемый нами в сокращённом виде документ подписан следующим образом: «Состоящий в ведомстве Азиатского департамента МИД архимандрит Аввакум, а за болезнью его, по его приказанию подписался воспитанник С.-Петербургского училища военного ведомства П. Точалов»).

больших неприятностей, если в своём отношении к г-ну Обер-Прокурору Св. Синода объяснит, что некоторые недосмотры, оказавшиеся в печатном переводе Нового Завета, могут быть легко исправлены... Это исправление делается следующим образом: ошибочные [иероглифы] на типографской доске металлическим резцом выковыриваются до некоторой глубины, [а] впадины при помощи клея заполняются новыми кусочками дерева, на которых и вырезаются новые буквы взамен прежних. В случае большого числа ошибок весь оригинал вырезывается на новой доске. Эта работа у китайцев ничего не значит. Всякая книга может быть легко исправлена и перепечатана»⁴⁷.

30 сентября 1865 г. граф Д. Толстой, обер-прокурор Св. Синода, направил следующее письмо с учётом ценных замечаний и рекомендаций рецензентов и.д. Министра иностранных дел:

«Св. Синод, приняв во внимание одобрительные отзывы лиц, рассматривавших означенный перевод, а равно и другие книги духовного содержания, переведённые архимандритом Гурием на китайский язык⁴⁸ и, имея в виду удостоверение самого о. архимандрита, что из всех известных ему переводов Нового Завета на китайском языке сделанный им перевод есть более близкий к греческому тексту и более точный по выражениям, — благословил употребление между православными христианами означенного перевода «Нового Завета».

«Св. Синод поручил [новому начальнику Пекинской духовной миссии] архимандриту Палладию Кафарову „раздать желающим из них ... 50 экземпляров напечатанного [архимандритом Гурием] перевода ‘Нового Завета’“. В случае же недостатка их вновь напечатать

⁴⁷ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив I-5. Оп. 4, 1823. Д. 1. Папка 74. Л. 472 (под документом подписался вместо архимандрита Аввакума воспитанник СПб. училища военного ведомства П. Точалов).

⁴⁸ Согласно каталогу книг, полученных библиотекой Восточного института во Владивостоке, среди китайских книг, переведённых с русского языка архимандритом Гурием, помимо «Нового Завета», были указаны богослужебные книги под следующими русскими названиями: 1) Указатель евангельских и апостольских чтений на все дни года (№ 31 — по библиотечному перечню), Молитвослов (№ 33), Последование Св. причащения (№ 34), Краткая священная история „Ветхого Завета“, Пекин, 1863 (№ 38), Священная история „Нового Завета“, Пекин, 1861 (№ 39), Введение в новозаветные книги Св. Писания в вопросах и ответах. Пекин, 1865 (№ 40), Изложение православного учения по порядку Символа Веры в вопросах и ответах. Пекин, 1865 (№ 44), Беседа о достойном приготовлении к принятию Св. Тайн (№ 48, б/д), Зерцало православного исповедания. Пекин, 1863 (№ 51). См.: Известия Восточного института. Т. I. Владивосток, 1900.

потребное количество экземпляров с оставленных архимандритом в распоряжении [духовной] миссии каллиграфических досок, отнеся расход по сему предмету на свободные нештатные суммы миссии. Причём для соображений при напечатании вновь Нового Завета препровождён в Пекин в копиях и отзыв, и замечания о переводе сей книги, представленные архимандритом Аввакумом“»⁴⁹.

Опровергая досужие разговоры некомпетентных лиц о том, что Гурий (Карпов) якобы не работал самостоятельно над китайским текстом, а пользовался помощью какой-то англичанки, переводчик в письме к И.И. Полимпестову убедительно доказывал обратное:

«Никакой англичанки по переводу у меня не было, да и никого, кроме Господа Бога, я не призывал себе в помощь. Помогал же мне только магистр словесности китаец Лун как писец. Я обыкновенно с „Новым Заветом“ в руках ходил по комнате и диктовал, а Лун сидел за столом и записывал мой перевод. Когда же перевод был окончен (на что употреблено 4 года [для сверки и выработки окончательного текста] были приглашены: учитель Иван из [нашей] школы мальчиков и учительница Марья из школы девочек, а также сын Марии Никита и албазинец Моисей на совещание. И мы вшестером ежедневно по два часа употребляли на проверку перевода. Прочитывая два-три стиха, приглашённые пересказывали [их содержание] так, как они поняли прочитанное...

Два года мы провели в такой проверке [текста перевода], и думаю, что при помощи Божьей, достигли возможного для нас совершенства. При печатании корректорами были вышеупомянутые Никита и Моисей. Всё это объяснено у меня в предисловии к первому изданию „Нового Завета“»⁵⁰.

Интересно и другое более раннее свидетельство архимандрита Гурия относительно его перевода Нового Завета в письме от 14 января 1866 г. к обер-прокурору Св. Синода И.Г. Терсинскому, где было сказано:

«То, чего мне хотелось или что я собственно имел в виду, приступая к переводу и с нетерпением продолжаю его целых шесть лет — употребление его нашими христианами в Пекине... Китайцы были очевидцами того, как я для проверки своего перевода пригласил целую комиссию учёных [!] и этою поверкою лично [плотно] занимался с ними два года... Мне было бы интересно знать, как обширны и чего именно касались замечания отца Аввакума [Д.С. Честного]...

⁴⁹ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив I-5. Оп. 4, 1823. Д. 1. Папка 74. Л. 473.

⁵⁰ «Русский архив». 1893. № 11. С. 394.

8 сентября прошлого года я вручил Его Сиятельству г-ну обер-прокурору Св. Синода экземпляр “Нового Завета” моего перевода, приготовленный в Пекинском женском училище для поднесения Её Величеству, покровительнице этого училища. Наставникам [преподавателям] и ученицам хотелось чем-нибудь выразить их сердечную благодарность за милости Государыни. Они выпросили у меня неброшурованный экземпляр, сами переплели его шелками, расшили его крышки и просили меня представить эту вещь нашей императрице. Я в свою очередь просил о её передаче [по назначению]. Он взял этот экземпляр и обещал представить Государыне, но что он сделал, даже сделал ли что-нибудь — неизвестно»⁵¹.

Не менее примечательна просьба архимандрита Гурия в письме к И.Г. Терсинскому от 14 января 1868 г. о напечатании написанной им в Пекине работы в первый приезд туда из России:

«Похлопочите, если придётся кстати, чтобы в награду мне [за перевод «Нового Завета»] напечатали мою священную духовную историю (до 1845 г.), составленную и приготовленную к печати в Пекине. Это было бы и для тамошней церкви полезно, да и мне лучше всякой награды. Книга эта в 1,5 раза больше «Нового Завета», а на напечатание её потребуется не больше 2000 руб. серебром. Если нужно, я представлю Вам подробное описание этой книги согласно её содержанию и значению для [нашей] православной церкви в Пекине»⁵².

Пока архимандрит Гурий находился в Пекине, активно занимаясь миссионерской деятельностью, в Петербурге — под влиянием заключённых Россией с цинским Китаем договоров в Тяньцзине (1858 г.) и в Пекине (1860 г.) — в высших правительственных сферах развернулась междуведомственная дискуссия по вопросу о новом статусе и иной структуре Пекинской духовной миссии, выполнявшей до учреждения постоянного дипломатического представительства в Пекине в

⁵¹ Там же, 1894. № 11. С. 97–98.

Весьма любопытный комментарий оставил на тексте приведённой выше публикации издатель журнала Пётр Бартнев: «Нам неизвестно, какая именно судьба постигла перевод преосвященного Гурия. *Это был человек высших достоинств и необыкновенного трудолюбия.* После долголетнего пребывания в Пекине он был вызван в Петербург и проездом через Москву с ужасом узнал, что состоялось определение его [настоятелем] в Соловки. Лишь благодаря ходатайству митрополита Филарета он получил назначение управлять монастырём, расположенным в более тёплом по климату месте (слышано от него в Симферополе в 1880 г.) П.Б. [Пётр Бартнев]».

⁵² «Русский архив». 1894. № 1. С. 97–98.

1861 г. роль «учебно-политического учреждения»⁵³. Инициативу в обсуждении данного вопроса проявило внешнеполитическое ведомство — Министерство иностранных дел и в частности министр иностранных дел князь А.М. Горчаков, обратившийся 21 октября 1861 г. к обер-прокурору Св. Синода со следующим письмом:

«Министерство Иностранных Дел, имея в виду преобразование нашей духовной миссии в Пекине на основаниях более соответствующих вновь заключённым с Китаем трактатам, сочло долгом обратиться в Св. Синод с покорнейшею просьбою — принять на себя труд рассмотреть ниже сего изложенное и дать о нём заключение. Отправление нашей миссии в Пекин при учреждении оной имело целью поддержать православие между русскими, добровольно оставшимися в Пекине из числа взятых в плен защитников бывшего в Албазине (на Амуре) гарнизона и известными у нас под именем албазинцев.

Впоследствии, когда правительство наше хотело войти с Китаем в более тесные отношения, имеющие характер чисто политический, оно, затрудняясь посылкою туда отдельного дипломатического лица, возлагало на начальника духовной миссии поручения вне прямых обязанностей миссионера. В число лиц, духовную миссию составлявших, по первоначальному её назначению поступали только монашествующие, их прислужники и церковнослужители. Потом, когда встретилась надобность иметь при Министерстве Иностранных Дел людей, знающих китайский и маньчжурский языки, в состав миссии стали назначать молодых людей из разных учебных заведений, которые по возвращении на родину поступали на службу при этом ведомстве. В последнее время с 1858 по 1861 г., вследствие заключённых с Китаем новых договоров, Россия вместе с прочими европейскими державами приобрела новые права как в сношениях политических, так равно и в проповедывании истин христианской веры, и потому Министерство находит, что ныне наступили благоприятные обстоятельства изменить прежний состав и значение нашей духовной миссии.

В 1820 г. духовной миссии в Пекине были предоставлены особые права и преимущества, которые, улучшив во многом лишь быт миссионеров, имели мало влияния на успешное развитие проповедования. Определенный срок пребывания [миссионеров] в Пекине в особенности мешал прочному распространению православия между китайцами.

⁵³ Такая характеристика Пекинской духовной миссии дана в письме министра иностранных дел Д.С. Сазонова к И.Я. Горемыкину, датированном 27 декабря 1915 г. См.: С.-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (СПб. филиал АРАН). Ф. 761. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 79.

По трудности китайского языка, требующего для изучения много времени, миссионеры по прибытии своём [в Пекин] долго не могли принять на себя обязанности проповедования. Когда же спустя пять-шесть лет они, достаточно узнав язык, могли с успехом заняться своим делом, — наступал срок возвращения в отечество, и их паства, уже привыкшая к своим наставникам, оставалась снова без руководителей, пока вновь прибывшие миссионеры не приобретали нужных сведений в китайском языке и не могли на нём свободно объясняться.

Отдавая должную справедливость учёным трудам некоторых из духовных членов миссии за последние 30-ть лет, получившим всеобщую известность, надобно признать, что для практических целей Министерство Ин. Дел в немногих случаях могло пользоваться их познаниями, чему, конечно, препятствовал духовный сан отцов-миссионеров, не позволявший командировать [их] на такие посты, где требовалось светское лицо, а потому духовные члены по возвращении своём в Россию большею частью выходили из подчинения Министерству, поступая в монастыри, где время, проведённое ими в Китае, и все [их] многолетние труды не имели практического значения для последующего духовного предназначения монашествующих. Все неблагоприятные условия, препятствующие успешному ходу дела проповедования, Министерство желало бы теперь при содействии Св. Синода устранить.

С нынешнего года для постоянного пребывания в Пекине для политических дел назначен министр-резидент, на которого возложено наблюдение за всеми делами, относящимися до взаимных отношений между обеими правительствами. Духовные члены миссии могут быть предоставлены их прямому признанию, чисто духовно-учебным занятиям, а потому Министерство предполагает духовных членов миссии совершенно отделить от светских, поступающих в состав дипломатической миссии, и наименовать их православными миссионерами в Китае на тех же основаниях, какие существуют для нашей духовной миссии в Иерусалиме.

Предоставляя миссионеров совершенно ведомству Св. Синода в духовном отношении, Министерство при этом, однако, находит необходимым подчинить миссионеров ближайшему наблюдению нашего посланника в Пекине как лица, находящегося в связи с китайским правительством, который может вполне знать взгляд сего последнего [китайского правительства] на распространение между его подданными христианской религии и, следовательно, могущего предупреждать препятствия или споспешествовать действиям проповедников.

Состав новой духовной миссии Министерство предполагало бы ограничить одним начальником миссионеров (архимандритом) и

при нём двумя иеромонахами и присоединить к ним одного священника и одного катехизатора из албазинцев или природных китайцев. Что касается до казначея — собственно из русских причетников, то это кажется излишним, потому что дети албазинцев довольно удовлетворительно, насколько известно, поют и читают и при усердном занятии с ними могут вполне заменить наших псаломщиков. Кроме устранения излишних расходов на содержание причетников, посланных из России [в Пекин], Министерство полагает, что албазинцы или крестившиеся китайцы, исполняя обязанности чтецов и певчих при нашей церкви, будут служить к лучшему сближению миссионеров с местным населением, и, отчасти обеспечиваясь в материальном отношении, тем более заохотят других последовать их примеру. Сверх того, частые сношения албазинцев с миссионерами и их более точные понятия правил нашей церкви могут [помочь] образовать из числа причетников-албазинцев или китайцев хороших священников или катехизаторов, чрез которых тем успешнее будут произростать посевами спасительные семена веры.

Рукоположение в священников албазинцев или китайцев может быть совершаемо в Кяхте, куда избранные из них будут отправляемы при удобном случае по распоряжению нашего посланника в Пекине... всего [же] лучше отправить в Пекин начальником миссионеров Епископа. Посвящая албазинцев и китайцев во священники, епископ по сану своему и житейской опытности... привлекал бы к себе сердца новообращённых христиан; в глазах же язычников [он] возвысил бы понятие о нашем духовенстве, не имевшем до сих пор своего представителя в Китае выше архимандрита, что отчасти давало [до сих пор] перевес католическим миссионерам, имеющим в среде своей епископа. До какой степени предположение сие удобоисполнимо в этом Министерство полагается на усмотрение Св. Синода... сверх определённой суммы на содержание миссии в показанном выше составе, оно [Министерство] не может брать на себя другие расходы, которые должны быть покрыты духовной властью...

Составление полной инструкции отцам миссионерам в [качестве] руководства для духовно-учебных занятий предоставляется на благоусмотрение Св. Синода, но Министерство полагало бы, что, кроме обязанностей исключительно миссионерских, какие в этой инструкции будут начертаны, неизлишне поставить на вид избранным в миссионерское звание лицам, возможно подробное изучение китайского и монгольского языков как необходимое условие для успешного выполнения принятой на себя святой обязанности проповедования, не забывая при том желающим из них заниматься учёными трудами и изучением языков тибетского и маньчжурского... Необходимо нужно также вменить в обязанность отцам-миссионерам принять на себя

ближайший надзор и обучение касательно мальчиков из семейств албазинцев и китайцев, с большою охотою поступающих в училище, основанное несколько лет тому назад при храме Успения божия матери в Северном подворье... Необходимо нужно при знании языка, на котором будет излагаться [христианское] учение, самое близкое ознакомление с жизнью народа, его нравами, обычаями и предрассудками... На этом основании Министерство полагало бы предложить Св. Синоду при избрании лиц, принявших на себя миссионерские обязанности, выставлять на вид [объяснять] вышеизложенные условия, может быть, тяжкие сами по себе, но тем не менее необходимые для точного исполнения высокого предназначения миссионерства [предусматривающего бессрочное пребывание в Китае], если телесные и другие особенные обстоятельства не понудят изменить сего.

Южное подворье наше, называвшееся Сретенским ставропигиальным монастырём, находится в центре города [Пекина] и всей здешней деятельности столицы, ныне занято дипломатическою миссиею и неудобно для совместного с нею пребывания здесь миссии духовной, а потому Министерство полагало бы: не признает ли Св. Синод возможным (т.к. члены духовной миссии будут переведены из Южного подворья в Северное), переименовать Северное подворье при церкви Успения Божия матери в ставропигиальный монастырь вместо имеющего быть упразднённым такого же монастыря в Южном подворье, а находящуюся при сём последнем церковь Сретения Господне оставить при Посольстве, для служения в коей может приезжать из Северного подворья (Успенского храма) один из монашествующих...

Министерство с готовностью войдёт в более подробные объяснения и совместные обсуждения о составе духовной миссии в Пекине, если Вашему Сиятельству будет угодно командировать доверенное от себя лицо для окончательного составления инструкции и всеподданнейшего доклада.

Министр Иностранных дел канцлер [подпись: Горчаков]⁵⁴.

В своём ответе на вышеприведённое письмо главы российского Министерства Иностранных Дел Св. Синод сослался на то, что в связи с заключением русско-китайского Тяньцзиньского договора он счёл необходимым снабдить тогдашнего начальника Пекинской духовной миссии дополнительной инструкцией, предписывающей действовать в новой политической обстановке в Китае с «полною осторожностью и благоразумием». В этом документе, в частности, указывалось:

«Распространение христианства в Китае было всегда предметом особенной заботливости нашего Правительства. С этой целью ещё в

⁵⁴ АВПРИ. Ф. Главный архив I-5, 1823. Оп. 4. Д. 1. Папка 111. Л. 42–47.

1715 г. учреждена в Пекине Духовная Миссия. К прискорбию Церкви, действия этой Миссии, в силу политических обстоятельств, в течение с лишком ста лет должны были ограничиваться одним только поддержанием Православия между потомками бывших защитников Албазина, составляющих ныне небольшую её паству, хотя и есть в виду примеры тайного обращения к Православной Церкви природных китайцев.

В настоящее же время, когда по милости Божией, вследствие [Тяньцзиньского] трактата 1858 г. [перед] Духовной Миссией нашей открывается в Китае обширное поприще для проповеди Слова Божия, Святейший Синод находит, что деятельность Миссии может и должна быть направлена к распространению православной веры среди самого китайского народа. Но при этом Миссия обязана, особенно в первое время, в действиях своих руководствоваться полною осторожностью и благоразумием. Пользуясь с ревностью всеми открывающимися случаями для приобретения новых чад Церкви пока только в месте своего служения, она должна совершать это без шума и со всевозможным смирением (имея в памяти одну токмо славу Божию), дабы, если Господь благословит труды её, не привлечь на оные подозрительного и неблагоклонного внимания местного Правительства и тем поставить преграды будущим своим более обширным действиям на этом важном для святой церкви поприще.

Святейший Синод находит также, что проповеди Миссии с успехом и пользою могут способствовать православные албазинцы, так как между ними есть немало истинных и правильных христиан, чем и должна Миссия воспользоваться. Таким образом, на первый раз Св. Синод полагает благословить Миссию только на эти действованья... Вместе с сим Св. Синод, имея в виду расширение круга действий нашей миссии умножением числа миссионеров, сделал распоряжение о приговлении к проповедованию православной веры в Китае способных молодых людей, которых будут вызывать из разных епархий для обучения здесь китайскому языку.

Обращаясь засим к предложениям об учреждении в Китайской империи школ для расширения [пропаганды] православия, Святейший Синод готов со своей стороны содействовать в том Миссии всеми зависящими от него средствами и для окончательных распоряжений своих по сему предмету будет ожидать от МИД уведомления о том, в какой мере потребно участие Святейшего Синода к осуществлению этого предположения, которого пользу и необходимость он вполне сознаёт»⁵⁵.

⁵⁵ Цит. по: «Китайский Благовестник», 1916. Вып. 7–8. С. 16–17.

Прибывший в Пекин в 1859 г. российский дипломат Н.П. Игнатьев с учётом всей сложности состоявшихся первоначальных переговоров с властями по политическим вопросам, обусловленной неблагоприятным ходом войны западноевропейских держав против цинского Китая, перед своим отъездом в Шанхай всячески предостерегал начальника православной миссии архимандрита Гурия от слишком активных действий как в плане поддержания прямых контактов с официальными лицами в китайской столице, так и в ведении миссионерской работы. В письме от 15 мая 1859 г., предназначенном главе Пекинской миссии, он подчёркивал:

«Прямого участия в ходе наших [политических] переговоров Вы в качестве начальника нашей духовной миссии иметь не можете, потому что для облегчения своего положения при настоящем политическом кризисе [в Китае] наша миссия должна сохранять в глазах китайцев и [представителей] других иностранных государств свой исключительно духовный и учебный характер. Поддерживая убеждение, что миссия не имеет политического предназначения, Вы можете, однако же, в разговорах своих с чиновниками Трибунала Внешних Сношений (Лифаньюаня) и в различных частных случаях содействовать достижению нашей цели [заключению трактата между Китаем, Англией и Францией, по возможности наименее тягостного для Китая и не вредного для нас] полезными внушениями и объяснениями»⁵⁶.

Важную роль в обсуждении поднятого вопроса на высшем [международном] уровне сыграла записка МИД по поводу будущих изменений в статусе и деятельности Пекинской духовной миссии, внесённая в Гос. Совет в июне 1863 г. Сущность предложений МИД пространно изложена и обоснована в приводимом ниже тексте:

«Учреждение духовных миссий наших в Китае относится к первой половине XVIII столетия. Первоначальная цель, побудившая русское правительство отправить в 1714 г. первую духовную миссию в Пекин, состояла в поддержании православия между русскими, взятыми китайцами в плен при взятии [ими штурмом] города Албазина на Амуре в 1685 г. При [самом] начале духовные миссии отправлялись в Пекин на неопределённый срок — от 7 до 13 и более лет. Впоследствии с 1819 г. срок пребывания миссий в Пекине ограничивался 10-ю годами, а с 1849 г. миссии посылались только на шесть лет. Начальниками духовных миссий назначались архимандриты, а в чис-

⁵⁶ Инструкция Н.П. Игнатьева от 15 мая 1860 г., оставленная им архимандриту Гурию перед отъездом из Пекина в Шанхай. См.: *Андреева С.Г.* Указ. соч. С. 88.

ло [её] членов — два иеромонаха, один иеродиакон, два псаломщика и при них четыре послушника, которые впоследствии [с 1727 г.] были заменены молодыми людьми, назначавшимися для изучения китайского и маньчжурского языков.

Первоначально на содержание духовных миссий отпускались из Иркутска меха, поступавшие в казну при сборе ясака с сибирских инородцев. Миссионеры должны были сами продавать эти меха в Пекине китайским купцам, а вырученные за них деньги обращать на своё содержание.

До 1819 г. положение духовных миссий в Пекине оставалось почти без всякой перемены. В сем же году при Министерстве Иностранных дел (правильнее: Коллегии Иностранных дел. — *А.Х.*) были составлены новые штаты миссии... Имея в виду приготовление достаточно знающих китайский и маньчжурский языки драгоманов и переводчиков, по новому штату 1819 г. в число светских членов миссии стали назначать молодых людей из числа окончивших курс в высших учебных заведениях, чаще всего из числа студентов Духовной Академии... По штату 1819 г., остающемуся без изменения до настоящего времени, ежегодно отпускалось [из казны] в распоряжение Министерства Иностранных дел 17 750 руб.

С изменением ныне наших политических отношений к Китаю и учреждением в Пекине дипломатической миссии духовная (православная) миссия также должна изменить своё прежнее назначение и принять характер исключительно православно-миссионерский. Вследствие сего Министерство Иностранных Дел по предварительному соглашению с Святейшим Синодом составило новое положение и штат миссии духовной, [при этом] независимо от сего и штат дипломатической миссии, на следующих основаниях:

1) *Так называемая духовная миссия, утрачивая своё прежнее учёно-политическое значение и состоя только из духовных лиц, принимает характер исключительно духовного [учреждения] и потому предоставляется в полное заведывание и распоряжение духовного ведомства...*

2) Духовная миссия во всём своём составе помещается в Северном подворье [Бэйгуань], в окрестностях которого преимущественно проживают албазинцы. Южное же подворье [Наньгуань] предназначается исключительно для дипломатической миссии, при этом храм Сретения Господня из первоклассного ставропигиального монастыря переименовывается в церковь при Посольстве, Храм же Успения Божьей матери — при Северном подворье — в первоклассный монастырь.

3) Принимая во внимание, что распространение православия в Китае при более свободных правах, предоставленных миссионерству вновь заключёнными трактатами, пойдёт гораздо успешнее, если

в числе миссионеров будут находиться священники из природных китайцев или албазинцев, состав же [духовной] миссии полагается следующий: начальник миссии, три иеромонаха, священники и катехизатор, [причём] последние двое из туземцев. Начальником миссии может быть назначен или архимандрит или епископ.

4) На содержание духовной миссии в [её] новом составе поступит половинная часть, т.е. 8875 руб. из числа 17 750 руб., которые ассигновались на содержание [этой] миссии в прежнем составе. Недостающее к сему количеству денег должно быть добавлено особо из государственного казначейства...

6) При назначении начальником миссии епископа, к составу миссии сверх трёх иеромонахов, священника и катехизатора (оба из туземцев) потребуются при архиерейском служении причт, избираемый из албазинцев или китайцев-христиан. Причт будет состоять из протодиакона, диакона, двух поддиаконов, двух псаломщиков, регента и шести певчих...

10) *Срок пребывания в Китае членов духовной миссии, ограничивавшийся в последнее время шестью годами, ныне отменяется, а вместо сего предоставляется [возможность] по усмотрению Святейшего Синода оставлять достойнейших и способных к делам проповедования миссионеров на неопределённое время. Желающим же не возбраняется оставаться в Китае на миссионерском послушании всю жизнь.*

11) Существовавшее доселе право членов миссии на получение пенсий по возвращении в Россию ныне отменяется, но Святейшему Синоду предоставляется [право] ходатайствовать о награждении пожизненным пособием из сумм государственного казначейства тех из миссионеров, которые, возвратившись в отечество по истечении 10 лет, при болезненном состоянии или старости... за примерную жизнь и полезные труды будут признаны достойными.

12) Духовная миссия во всех тех случаях, где действия и распоряжения начальника оной будут соприкасаться с государственными постановлениями [нашей] страны или с политическими отношениями России и Китая, должна обращаться к министру-резиденту [или посланнику] как единственному представителю русских интересов, имеющему ближайшие сношения с китайским правительством.

13) Из числа шести светских членов духовной миссии, назначавшихся в прежнем её составе, четыре человека отправлялись Министерством Иностранных Дел собственно для приготовления их к поступлению на должности драгоманов и переводчиков при Азиатском департаменте. Врач имел прямое назначение пользоваться [своим искусством врачевания] миссионеров и обращающихся к нему за пособием китайцев. Художник посылался [в Китай] при последних четырёх

миссиях, собственно с целью поддерживать посредством его [рисовального искусства] связей с влиятельными лицами в Пекине.

При преобразовании состава духовной миссии на новых основаниях, светские члены её ныне причисляются к дипломатической миссии, кроме художника и одного студента, нахождение которых в числе членов [старой] миссии было бы в настоящее время излишним. Поэтому в состав дипломатической миссии, сверх [её] начальника [министра-резидента] и при нём секретаря и драгомана, войдут врач и три студента. Последние трое (по примеру, существующему при нашей миссии в Константинополе) будут состоять в качестве *jeunes de langue* для изучения китайского и маньчжурского языков и будут вместе с тем заниматься в канцелярии дипломатической миссии, чтобы приучиться к исполнению обязанностей, которые впоследствии будут возложены на них по званию секретарей консульств или консулов в Китае.

По приобретении достаточных теоретических и практических сведений в языках студенты миссии будут назначаться по усмотрению Министерства Иностранных дел на должности драгоманов и переводчиков при дипломатической миссии в Пекине и при Азиатском Департаменте или на должности секретарей и консулов при наших консульствах в Китае. Из них же преимущественно впоследствии будут назначаться секретари Пекинской дипломатической миссии.

Молодые люди, назначаемые для замещения вакансий студентов (*jeunes de langue*) при дипломатической миссии будут преимущественно избираться из числа [лиц], окончивших [полный] курс в С.-Петербургском университете по китайско-маньчжурскому разряду, имеющих достаточные теоретические познания в китайском и маньчжурском языках.

14) Срок нахождения студентов [дипломатической] миссии в качестве *jeunes de langue* полагается не менее четырёх лет. На упомянутых же выше должностях, которые по усмотрению Министерства Иностранных дел будут по истечении указанного срока предоставлены в Китае студентам миссии, каждый из последних обязуется прослужить не менее шести лет».

17) Право на получение пенсии, предоставлявшееся доселе светским членам духовной миссии, ныне отменяется, и все без исключения члены дипломатической миссии, пользуются одинаковыми правами, предоставляемыми вообще всем служащим по Министерству Иностранных Дел»⁵⁷.

Чтобы представить позицию Государственного Совета при обсуждении вопроса о преобразовании Пекинской духовной миссии и

⁵⁷ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив I-1. Оп. 781. Д. 173. Л. 16–17.

назначении в состав дипломатической миссии врача и трёх студентов, следует обратиться к выписке из журналов его заседаний в Департаменте государственной экономики 4 сентября и общего собрания, состоявшегося 14 октября 1863 г., где сказано:

«Государственный Совет по рассмотрении предложений Министра иностранных дел [А.М. Горчакова] по настоящему делу не мог не признать их вообще правильными и сообразными с новыми условиями, как в политической, так и в духовной нашей деятельности, чтобы затем обратиться к обсуждению предположений, касающихся потребных для их осуществления дополнительных расходов. Количество таковых расходов зависит преимущественно от того обстоятельства: будет ли назначен начальником духовной миссии нашей в Пекине архимандрит или епископ. В первом случае на штат сей миссии потребуется 10 600 руб., каковая сумма вместе с суммой (8865 руб.), отчисляемою из штата духовной миссии в штат дипломатической миссии, превысит лишь на 1725 руб. нынешний штатный расход на духовную миссию в Пекине (17 750 руб.). Если же начальником миссии будет епископ, то по новому штату духовной миссии предполагается ассигновать 14560 руб. и таким образом означенное превышение будет простираться до 5685 руб. и сверх сего одновременно потребуется 8000 руб. на увеличение монастырских зданий и приобретение ризницы для архиерейского служения.

Ввиду столь значительной разницы в предстоящих на духовную миссию расходах, Государственный Совет не мог не принять во внимание мнения по сему предмету министра финансов, который в отзыве своём вице-канцлеру князю Горчакову по этому делу объяснил, что при настоящих политических обстоятельствах, требующих из государственного казначейства весьма значительных издержек, желательным было бы не обременять оное новыми расходами...

Соглашаясь с таким мнением министра финансов и усматривая из представления вице-канцлера, что назначение начальником духовной миссии епископа предпочтительно пред архимандритом, имело в виду ту цель, чтобы можно было избежать отправления внутрь России албазинцев или китайцев-христиан, имеющих быть рукоположенными во священники, Государственный Совет нашёл, что назначение ныне же начальником миссии епископа едва ли не будет ещё преждевременным, так как при настоящем незначительном распространении православной веры в Китае число туземцев, могущих принять священство, вероятно, невелико, и издержки, сопряжённые с отправлением их для посвящения в ближайший епархиальный город Сибири были бы гораздо менее тех расходов, какие повлечёт за собою определение епископа начальником нашей духовной миссии в Пекине. Вследствие сего Государственный Совет признал удобным, утвердив в

настоящее время новый штат означенной миссии и лишь с теми расходами, какие требуются при назначении её начальником архимандрита, предоставить министру иностранных дел по соглашению с Св. Синодом войти с представлением об ассигновании нужных, в случае бытности епископа начальником сей миссии, дополнительных расходов, тогда, когда в том окажется — при дальнейшем распространении христианства в Китае, — действительная потребность. До того времени на отправление в Россию албазинцев и китайцев-христиан для посвящения [в священники] испрашивать по мере надобности суммы, дополнительные к смете кредитами.

Постановленное на сем основании мнение Государственного Совета, а также проекты нового штата Пекинской духовной миссии и дополнительного штата дипломатической миссии в Пекине удостоены Высочайшего Его Императорского Величества утверждения»⁵⁸.

Государственный Совет при рассмотрении вопроса о преобразовании Пекинской духовной миссии и назначения в состав дипломатической миссии врача и трёх студентов на заседании в Департаменте Государственной экономии и на общем собрании в связи с представлением письма Министра иностранных дел принял документ в следующем виде (с резолюцией царя на подлиннике: «Быть по сему», принятой в Царском селе 5 ноября 1863 г.):

«1) Предоставить Пекинскую духовную миссию в полное заведывание и распоряжение духовного ведомства, отчислив от неё в состав миссии дипломатической состоящих при первой из сих миссий врача и трёх студентов, а должности художника и студента при духовной миссии упразднить. На одного из иеромонахов духовной миссии возложить обязанность исправлять церковную службу при миссии дипломатической.

2) Срок нахождения студентов миссии дипломатической в качестве *jeunes de langue* назначить [в размере] не менее четырёх лет, обязав их прослужить не менее шести лет на должностях, которые по истечении сказанного срока будут предоставлены в Китае по усмотрению Министерства Иностранных дел.

3) В составе духовной миссии оставить: начальника миссии (архимандрита), трёх иеромонахов, священника и катехизатора, из коих последние двое назначаются из туземцев.

4) Вместо установленного ныне срока пребывания в Китае членов духовной миссии предоставить Св. Синоду [право] оставлять достойнейших и способнейших миссионеров на неопределённое время.

⁵⁸ Там же, I-5, 1823. Оп. 4. Д. 1. Папка 111. Л. 142–145.

5) Обязать духовную миссию во всех тех случаях, где действия и распоряжения начальника оной будут соприкасаться с государственными постановлениями [нашей] страны или с политическими отношениями России и Китая, обращаться к главе дипломатической миссии как единственному представителю русских интересов, имеющему ближайшие сношения с китайским правительством, причём отношения начальника духовной миссии к руководителю дипломатической службы будут в подробности определены инструкциею от Святейшего Синода.

6) Вместо отпускаемой ныне штатной суммы духовной миссии в Пекине назначить из государственного казначейства на дополнительное содержание дипломатической миссии ежегодно 8 875 руб., а на содержание духовной миссии в Пекине 10 000 руб. в год.

7) Предоставить [право] Министру иностранных дел по соглашению с Св. Синодом испрашивать дополнительные к смете кредитов суммы, необходимые на отправление в Россию для посвящения [в священники] албазинцев и китайцев-христиан.

8) Независимо от штатного содержания предоставить в распоряжение духовной миссии в Пекине для употребления на благолепие храма или на экстренные надобности доход с принадлежащих миссии недвижимых имуществ, заведывание коими возлагается на начальника оной.

9) Штатные суммы духовной миссии отправлять в Пекин крупною суммою серебряною монетою или кредитивами, принимая в сем последнем случае убытки на счёт казны.

10) Существовавшее доселе право членом духовной миссии на получение пенсий по возвращении в Россию отменить, предоставив [возможность] Св. Синоду ходатайствовать о награждении тех из миссионеров, которые возвратились в отечество по истечении по меньшей мере 10 лет, при болезненном состоянии или старости, если за примерную жизнь и полезные труды будут признаны достойными — пожизненным пособием из сумм государственного казначейства в размере одной трети получаемого ими по новому штату годового оклада жалованья.

11) Право на получение пенсий, предоставлявшееся доселе светским членам духовной миссии отменить и затем сравнять всех членом дипломатической миссии в Пекине в отношении пенсий вообще со всеми служащими по Министерству иностранных дел

и 12) Проекты нового штата Пекинской духовной миссии и дополнительного штата дипломатической миссии в Пекине представить при мнении Государственного Совета на Высочайшее Его Императорского Величества утверждение.

Председательствующий в Государственном Совете князь Павел Гагарин [подпись]»⁵⁹.

Изменение позиции российского правительства в вопросе распространения православия среди населения Китая не могло не вызвать озабоченности у П.И. Кафарова, которому предлагался пост главы духовной миссии. Своими сомнениями он поделился с обер-прокурором Св. Синода А.П. Толстым, которому он, в частности, писал: «Хотя долговременное пребывание моё в Пекине некоторым образом обязывало меня употребить мои силы и усердие в общем благом начинании, я тем не менее счёл долгом своей совести отклонить от себя предлагаемое мне высокое назначение. Я чувствую, что род моих занятий в Пекине, особые обязанности и обстоятельства не приготовили и не могли приготовить меня к новому служению, для которого требуется и призвание, и настроение, внедрённое временем, и духовная энергия»⁶⁰.

С учреждением в Пекине постоянного дипломатического представительства России функции Пекинской духовной миссии, порой выполнявшей роль посредника в русско-китайских отношениях, заметно изменились. Особенно же изменилась её изначальная роль как «учебно-политического учреждения». В соответствии с новой инструкцией, составленной для нового главы миссии архимандрита Палладия (П. Кафаров <в миру Пётр Иванович>, 1817–1878) и утверждённой Св. Синодом, перед российскими миссионерами ставилась тройкая задача:

1) Совершение богослужения в православных церквях в Пекине и исправление треб.

2) Утверждение и поддержание православной веры в тамошнем православном обществе, состоящем из албазинцев, или потомков русских переселенцев, и из китайцев, принявших православную веру, и

3) распространение оной, по мере возможности, между языческим населением»⁶¹.

В свете новых задач, поставленных перед российскими миссионерами в Пекине, глубокие познания архимандрита Палладия в области религиозных представлений китайцев и китайского языка, пригодились ему и его окружению более, чем когда-либо раньше, особенно при переводах богослужебных книг и православной литературы. Его советы и рекомендации как профессионального Китаиста,

⁵⁹ Там же. Л. 136–139 (список).

⁶⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 31, II отд. 2 стол, 1861. Д. 318. Л. 86.

⁶¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 445. Д. 52. Л. 3.

основательно изучившего религиозные системы тогдашнего Китая, были бесценны для тех, кто впервые стал заниматься этим делом специально⁶².

Когда в Риме 13/25 января 1866 г. скончался настоятель русской посольской церкви архимандрит Порфирий, на его место был назначен архимандрит Гурий, ведавший тогда делами Московского Симонова монастыря. Вскоре последний отправился в Италию через Варшаву, где по просьбе заболевшего архиепископа Иоанникия отслужил литургию в кафедральном соборе в высокаторжественный день 25 февраля. 17/29 марта секретарь российской дипломатической миссии в Риме сообщил в С.-Петербург о прибытии туда 7/10 марта архимандрита Гурия, приступившего к обязанностям настоятеля посольской церкви.

Тем временем 21 марта обер-прокурор Св. Синода граф Дмитрий Толстой сообщил А.М. Горчакову о полученном из Рима известии от тайного советника Вельтмана о последовавшем разрыве дипломатических отношений Ватикана с Россией и намерении папы упразднить её посольскую церковь. В этой связи Дмитрий Толстой 20 марта телеграфировал архимандриту Гурию отправиться с причтом в Неаполь через страстную неделю, чтобы россияне, проживающие в Риме, не были лишены в это время христианского утешения в своих домах. После срочного переезда в Неаполь архимандрит Гурий из-за неопределённой ситуации в Италии и неустойчивого собственного положения на новом месте столкнулся с материальными трудностями, что видно из его письма от 27 апреля 1866 г., отправленного А.Н. Свистунову, директору Департамента личного состава и хозяйственных дел МИД. В письме, которое приводится ниже, говорилось:

«Без сомнения Вам известно, что по распоряжению Его Сиятельства г-на министра иностранных дел мы оставили Рим и живём теперь в Неаполе... Отправляясь в Неаполь, мы были убеждены, что всё необходимое к уяснению нашего нового положения мы получим в особой бумаге... Однако ж вот уже месяц, как мы здесь, а положение наше несколько не прояснилось; как будто про нас уже забыли.

Убедительнейше прошу Ваше Превосходительство сказать нам: на долго ли и для чего мы здесь? Не возвратиться ли нам в Рим или в

⁶² Подробнее см.: *Хохлов А.Н.* Российская православная миссия в Пекине и китайские переводы христианских книг // *Китайское языкознание. VIII Международная конференция. Материалы.* Москва, 25–26 июня 1996 г. М., 1996. С. 160–164; *священник П. Иванов.* Православные переводы «Нового Завета» на китайском языке // «Московская патриархия», 1998, № 3. С. 62–67; 1999, № 1. С. 51 и далее.

Россию? Церкви в Неаполе уже нет. 20 апреля она разобрана и отправлена во Флоренцию. Между тем в Неаполе царят духота, пыль и шум от многолюдства и движения экипажей... Наплыв иностранцев и затеваемая война подняли цены на всё. Звонкая монета почти исчезает, а билеты Национального Банка не идут в ход. Даже билеты французского банка идут только с учётом 12%, чего раньше не было заметно.

В Риме квартира для меня была взята на год, следовательно, она и теперь за мною. В Неаполе же я нанимаю жильё ежемесячно, потому что не знаю, когда меня отзовут. Следовательно, и здесь я переплачиваю. Сверх сего, вексель, полученный мною из посольства в Риме в счёт жалованья, я разменял на бумаги римского банка, потому что тогда не знал, что придется оставить Рим. Бумаги же здесь в Неаполе не идут ни за что. Теперь пробавляюсь только остатками того золота, с которым Вы отправили меня из Петербурга, но и этих остатков уже немного»⁶³.

Судя по всему, приведённое выше письмо архимандрита помогло Св. Синоду срочно отыскать для него выход из создавшегося трудного положения путём вызова лично его (без причта) в Россию с назначением на новый пост. В этом убеждает письмо, отправленное 12 мая 1866 г. из канцелярии обер-прокурора Д. Толстого на имя и.д. товарища министра иностранных дел, где в частности говорилось:

«Высочайше утверждённым в 11-й день текущего мая всеподданнейшим докладом Св. Синода начальник состоящей в Риме миссии нашей архимандрит Гурий назначен епископом Чебоксарским, викарием Казанской епархии... Об изъяснённой Высочайшей воле я того же 11-го мая телеграфировал о. Гурию и пригласил его прибыть в С.-Петербург»⁶⁴.

После кратковременной заграничной службы в Италии (сначала в Риме, а затем в Неаполе) архимандрит Гурий по приезде в Петербург выполнял обязанности епископа Чебоксарского и викария Казанской епархии, сделав немало для развития миссионерского дела. Позднее, 15 декабря 1867 г., его назначили епископом Таврическим⁶⁵.

⁶³ АВПРИ. Ф. ДСС и ХД, I-й отдел исполнительного отделения. Оп. 749/1, 1899. Д. 1331. Л. 33–34.

⁶⁴ Там же. Л. 55.

⁶⁵ Активная деятельность архиепископа Гурия подробно освещена в некрологе Ал. Иванова, данного в приложении к нашей настоящей публикации. См. также: *Ишин А.В.* Наследие архиепископа Таврического Гурия (Карпова) в духовно-нравственной сокровищнице Православия // Глинские чтения. 27 июля 2006 г. С. 1–3.

Занимая высокий пост в церковной иерархии России, епископ Гурий, несмотря на огромную загруженность делами Таврической епархии, находил время для просмотра текущей православной литературы, в том числе мемуарной, принадлежащей перу известных российских церковных деятелей. Об этом свидетельствует его письмо от 12 апреля 1878 г., отправленное из Симферополя харьковскому епископу Савве (Тихомирову) в связи с получением от последнего его книги воспоминаний. В ответном письме епископ Гурий сообщал:

«Получил Ваше дорогое письмо, а вслед за ним “Воспоминания”. За то и другое глубоко благодарю Ваше Преосвященство. Три дня с большим усердием читал я эти воспоминания и чем больше вчитывался, тем больше благодарил Вас. Много полезных мыслей — и Ваших и чужих, Вами припоминаемых — приобрёл я от этого чтения... Думаю, что и всякий, прочитавший Ваши воспоминания, не пожалует о времени и труде, и не раз Вам скажет спасибо...»

Я видел Вас вскользь — проездами через Москву. Проезды же эти были [к сожалению] не часты. За 20 лет я был в Москве только 4 раза. До наблюдений ли тут, когда в голове и дел и безделья не обещаться...

Мне хотелось показать до какой степени я заинтересовался чтением Вами присланной книги. Прочту её ещё, может быть и не раз в уверенности, что найду в ней много для себя полезного. Думаю, что Вы жили с мыслью, со вниманием к себе и окружавших Вас предметов. Тут есть чему поучиться.

Теперь о Высокопреосвященном экзархе [Грузии]. Он [Флавиан — Н.Н. Городецкий] приехал ко мне в понедельник утром, прожил здесь вторник, а в среду (на второй неделе поста) уехал в Севастополь. Остановился он в Херсонесском монастыре; осматривал город, соборы, места бывших побоищ [сражений]. В пятницу уехал на пароходе. Имею сведение, что он доехал благополучно»⁶⁶.

Интересный штрих к постоянным заботам епископа Гурия о делах родной Таврической епархии находим в письме архипастыря от 12 апреля 1881 г. Поздравляя Н.Н. Игнатьева, своего старого знакомого по Пекину в период переговоров дипломата с китайскими сановниками об установлении границы с цинским Китаем в 1859–1860 гг. с назначением на пост министра государственных имуществ, архипастырь писал из Симферополя: «Бескорыстна и моя радость [по этому поводу]. Уже двадцать лет прошло с тех пор, как была

⁶⁶ Российская Государственная Библиотека, НИОР. Ф. 262. Картон 32. Ед. хр. 12, № 186. Л. 1–2.

открыта Таврическая епархия, но архиерейский дом ещё не наделён никакими угодьями»⁶⁷.

Скончался епископ Гурий 27 марта 1882 г. в Симферополе, где и погребён в кафедральном соборе. Его донесения из Китая частично опубликованы в 1907 г., в 12-й книжке (декабрьской) журнала «Русский архив», о чём известный дипломат Н.А. Малевский-Малевиц, возглавлявший российское посольство в Токио, поспешил уведомить в письме от 12 января 1908 г. Ф.Р. Остен-Сакена, интересовавшегося историей Пекинской духовной миссии и принимавшего деятельное участие в издании её научных трудов⁶⁸.

Пространной публикацией на кончину Гурия Карпова откликнулся его близкий знакомый Иван Палимпсестов в некрологе, озглавленном «Архиепископ Гурий», написанным 19 марта 1882 г., который начинался со ссылки на скорбное известие, появившееся 18 марта 1882 г. в газете «Московские ведомости»:

«Не стало ещё одного из достойнейших архипастырей Русской церкви. Святильник, озаривший Таврическую паству, угас; преосвященный Гурий скончался. Вот короткие, исполненные святой правды слова, которыми была передана православному миру скорбная весть. Действительно, то был святильник, ярко горевший не для одной Таврической паствы, а для всей православной Русской церкви и даже для отдалённого Востока. Безграничная преданность своему высокому призванию, кротость, какая только свойственна смиренномудрой душе глубокого христианина, трудолюбие до изнеможения сил — вот отличительные черты почившего святителя, которые были присущи ему от юности».

Сславшись на свою речь, произнесённую в Обществе Любителей Духовного Просвещения в 1880 г. для ознакомления публики с личностью и делами Гурия Карпова, автор некролога привёл из неё некоторые положения в кратком изложении, о чём позволяет судить приводимый ниже следующий фрагмент:

«Оценка заслуг преосвященного Гурия как члена и потом начальника Духовной миссии в Пекине, принадлежит истории, но и правительство ценило труды и заслуги его: ему в качестве архимандрита Высочайше пожалованы драгоценная панагия и довольно значительная пожизненная пенсия.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 2737, № 1. Л. 18.

⁶⁸ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1385. Оп. 1. Д. 1565. Л. 42.

Но что составляет венец трудов архимандрита Гурия в Пекине, это то, что он, изучив китайский язык как родной, перевёл на него Св. Евангелие, по которому и благовествует слово Христа Спасителя современный нам апостол в Японии преосвященный Николай [Касаткин]».

Подробно осветив изумительную по своей активности службу епископа Гурия в Таврической епархии, автор статьи в заключительной части подчёркивает, что чтение им книг было его стихией. Наряду с прочтением богословских книг и сочинений по философии, он серьёзно интересовался новыми трудами в области истории и естествознания. Хотя Гурий Карпов имел только степень магистра, его следует, по словам автора, по всей справедливости считать глубоко образованным человеком. «На немецком, частью на английском и итальянском языках он мог читать, но не без лексикона; французский (литературный) язык знал в совершенстве. О древних языках — и говорить нечего», — подчёркивал автор статьи, говоря о высоком уровне знаний архиепископа Гурия (Карпова) в области книжной культуры.

Достойным признанием важных заслуг Гурия Карпова в пропаганде животворных традиций православия в Китае может служить мемориальная доска с кратким пояснительным текстом, торжественно открытая 28 мая 2005 г. в г. Симферополе на здании бывшей Таврической духовной семинарии, где ныне располагается городское духовное училище.

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Ал. Иванов. Некролог. Высокопреосвященнейший Гурий,
[архи]епископ Таврический и Симферопольский
(Краткий очерк его служения Таврической епархии)*

«17 марта в час 25 мин. по полудни скончался после тяжкого и давнего недуга Гурий, архиепископ Таврический и Симферопольский на 68 году жизни... уроженец г. Саратова, сын священника [который] в мире назывался Григорий Карпов.

По окончании курса в Саратовской духовной семинарии со степенью студента, он в 1836 г. занял должность учителя латинского языка в Саратовском духовном училище. Родители хотели видеть его священником, но Григорий желал продолжать своё образование в высшем учебном заведении и готовился к поступлению в С.-Петербургский университет... За несколько дней до выезда в С.-Петербург им овладела тяжёлая болезнь, которая едва не уложила его в могилу. В это время он дал обет принять монашество и в июле 1837 г. в скромной одежде монастырского послушника отправился в столицу, где поступил в число студентов С.-Петербургской Духовной Академии.

Через год после поступления в Академию [молодой человек] принял монашеский постриг с именем Гурий и в августе 1838 г. был рукоположен в иеродиакона.

В следующем году по переводе в высшее отделение Академии, он, следуя инициативе академического начальства, изъявил желание отправиться в Пекинскую духовную миссию. Будучи третьим студентом в высшем отделении и не желая терять [возможность обретения] звания и прав учёной степени, ... он испросил разрешение прежде отправления в Пекин допустить его к экзамену для получения учёной степени, что и было дозволено ему в октябре того же 1839 г. В ноябре его определили иеромонахом, а в конце декабря он отправился в Пекин, где и пробыл чуть более 10 лет. В продолжении этого срока он основательно изучил китайский язык и активно занялся переводами «Нового Завета» и других богослужебных книг на китайский язык.

В декабре 1850 г. иеромонах Гурий возвратился в С.-Петербург, где его за добросовестную службу в Китае наградили орденом Владимира 4-й степени и назначили ему пожизненную пенсию в размере 650 руб. в год.

В феврале 1851 г. его произвели в сан архимандрита, а в октябре того же года назначили ректором Александро-Невского духовного училища.

В августе 1856 г. по Высочайшему повелению архимандрит Гурий был назначен начальником Пекинской духовной миссии и снова отправился в Китай продолжать свои труды по переводу священных книг на китайский язык. Кроме дополнения и пересмотра прежних работ по переводу книг «Нового Завета» и «Псалтири», а также требника, служебника и других богослужебных книг им в это время были переведены пространный катехизис, священная история «Ветхого» и «Нового Завета», а также многие другие богословские и учебные книги — для начальной и огласительной школы, существующей при духовной миссии. Помимо своих прямых обязанностей по должности архимандрит Гурий, близко знакомый с китайским языком и жизнью китайцев, принимал деятельное участие в трудах и переговорах наших уполномоченных с китайскими властями по поводу присоединения к России Приамурья и Уссурийского края. Были случаи, когда вся переписка нашего правительства с китайскими уполномоченными проходила через руки начальника Пекинской духовной миссии — архимандрита Гурия.

В сентябре 1865 г. после 8-летней службы в Пекине глава духовной [православной] миссии вернулся в Петербург, где его назначили настоятелем Московского Симонова монастыря. За свою службу в

Пекине его наградили орденом Св. Владимира 3-й степени (Анны 2-й степени. — А.Х.)⁶⁹ и увеличили ему пенсию до 1500 руб.

В январе 1866 г. его назначили настоятелем Посольской церкви в Рим, где он, впрочем, был не более 5 месяцев. 11 мая того же года ему было повелено быть епископом Чебоксарским, викарием Казанским и 5 июня он был хиротонисан в Петербурге. В Казани он пробыл только 1,5 года, но оставил по себе добрую память среди сослуживцев. В самом же начале по прибытии в Казань ему пришлось вступить в полное управление епархией, так как преосвященный Афанасий, епископ Казанский, был очень болен... С назначением в Казанскую епархию архиепископа Антония, Гурий, помимо епархиальных дел, стал почти исключительно заниматься миссионерской деятельностью, основав в Казани миссионерское братство святителя Гурия, членом которого он состоял до конца своей жизни.

15 декабря 1867 г. Гурий Карпов был назначен епископом Таврическим и Симферопольским. С прибытием в г. Симферополь в феврале 1868 г. начинается его неутомимая и непрерывная деятельность ко благу Таврической епархии, которая до его приезда была скудна и церквями и священнослужителями. Обозрев в мае и июне того же года северные уезды своей епархии, Гурий ... первым своим долгом счёл озаботиться увеличением числа церквей и священнослужителей. С этою целью он в том же году посетил херсонского архиепископа Дмитрия, которого просил рекомендовать и присылать к нему в Таврическую епархию священников для заполнения вакантных мест и для служб разного рода. О том же он писал преосвященному Екатеринославскому и другим лицам.

С сентября 1868 г. по его указанию и ходатайству было начато издание «Таврических епархиальных ведомостей», а в ноябре с миссионерской целью было открыто Симферопольское Александро-Невское братство... В сентябре того же 1868 г. был созван I-й епархиальный съезд. В продолжительной и глубоко трогательной беседе с представителями Таврического духовенства мудрый архипастор высказал им свою [сокровенную] мысль о необходимости учреждения в епархии своей семинарии...

В 1871 г. им был заложен первый камень в основание будущей семинарии, которая была открыта 19 августа 1873 г. Этот день стал счастливейшим в жизни архипастыря.

В 1878 г. им было открыто новое женское епархиальное училище (в новом здании) в составе шести классов и подготовительного отде-

⁶⁹ Указ от 10 декабря 1866 г. См.: АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив I-1, 1861. Оп. 781. Д. 171. Л. 175.

ления (вместо старого из трёх классов в старом, тесном здании). В 1878–79 гг. благодаря заботам Гурия было построено новое великолепное здание духовной консистории. В 1881 г. он помог пустить [в эксплуатацию] епархиальный свечный завод и в том же году ему удалось исходатайствовать пособие от Св. Синода и почти одновременно изыскать дополнительные средства на расширение здания кафедрального собора (с пристройкой к нему новой колокольни)... Тогда же он возбудил ходатайство перед обер-прокурором Св. Синода об отпуске денег на постройку [жилого] корпуса для учителей гимназии... С наступлением 1882 г. всё было приготовлено к началу строительных работ при соборе...

Благодаря вниманию Гурия Карпова, иерарха Русской церкви, его библиотека ежегодно пополнялась не только лучшими сочинениями на русском языке, но и зарубежными изданиями. Она получала [почти] все русские церковные журналы и многие экземпляры светской периодики. Несмотря на обилие ежедневно получаемых книг и журналов архиепископ старался хотя бы бегло ознакомиться с каждой новой печатной новинкой.

Целые груды бумаг, исписанных его рукой либо переписанных с его рукописей лежали в его конторках, шкафчиках, ящиках или связках... Насколько нам известно, кроме постоянных занятий своим любимым трудом — изъяснением Священного писания, преимущественно евангелий, мудрый архипастырь в последнее время немало занимался подготовкой своей биографии, основанной на воспоминаниях о своей плодотворной деятельности. Успел ли он закончить эту работу, к сожалению, неизвестно.

Между тем давний застарелый недуг, связанный с болезнью печени, и предрасположенность его организма к образованию камней, уже с 1875 г. приняли хронический характер. В 1881 г. он даже испросил заграничный отпуск для того, чтобы съездить в Вену и там посоветоваться с врачами-специалистами относительно способов лечения своей болезни, но российские врачи С.-Петербурга настолько сумели помочь в этом ему, что он отказался от заграничной поездки и с довольно бодрым настроением вернулся в Симферополь. Почти целый следующий год ему удавалось успешно бороться с болезнью... Но уже в декабре прошлого [1881] года у него произошло неожиданное кровоизлияние... Предпринятые срочные меры лечения, по-видимому, одолели болезнь, но не надолго.

5 и затем 7 марта утром повторилась кровавая рвота... В предчувствии скорой смерти больной сделал необходимые распоряжения касательно своего погребения, указав место для одного в соборе...

С полудня 17-го числа силы больного стали быстро таять, и он пожелал в последний час приобщиться Св. Тайн... В час дня он тихо заснул ... и в четверть второго всё кончилось. 21 марта в вербное воскресенье был совершён ритуал погребения: в 3 часа по полудни состоялось обычное обнесение тела [покойного] вокруг собора и затем по внесении в храм закрытие гроба и опущение его в могилу, у самого правого клироса, между главным и боковым пределами, где архиепископ избрал себе место для вечного упокоения»⁷⁰.

Слово при погребении высокопреосвященного Гурия [Карпова] произнёс архимандрит Арсений, который, в частности, произнёс:

«Миссионерство занимало архиепископа Гурия всю жизнь, как дело первостепенной важности, и он не переставал упорно трудиться ради этого святого дела до последних дней своей жизни. *Более 15 лет прошло с того времени, как усопший архипастырь оставил Китай, но нужно было видеть, с какою любовью он вспоминал о своей китайской службе, с какою радостью он получал письма оттуда от своей духовной паствы*»⁷¹.

*A.N. Khokhlov**

Missionary activities of Gurij Karpov before and after the transformation of the Peking Orthodox mission

ANNOTATION: This article deals with the life and works of archimandrite Gurij (Karpov), missionary and sinologist, which headed Peking Orthodox Mission from 1856 to 1865 — a period of changes for all the China and also for a Mission. Author quotes many unpublished archive documents which illustrate many details of the scholar's life and also his opinions about China and the future of Christianity in this country.

KEYWORDS: Russian Orthodox Mission, Peking, Gurij Karpov, orthodoxy, China.

* Khokhlov Alexander Nikolaevich, PhD (History), China Department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

⁷⁰ «Таврические епархиальные ведомости», № 8 (15 апреля 1882 г.). С. 339–354. Публикуемый выше текст печатается в сокращённом виде с небольшой стилистической правкой, не искажающей смысла оригинала.

⁷¹ «Таврические епархиальные ведомости», № 8 (15 апреля 1882 г.). С. 364.